ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 10 (2393) Среда, 4 февраля 1948 г. Цена 40 коп.

Сталинская дорога побед

За цифрами наших планов мы неизменно видим непрерывное движение вперед, слышим могучую поступь советского народа, идущего по славному пути, начертанному великим Сталиным, ощущаем великолепное и беспримерное нарастание большевистских темпов, приближающих страну Советов к коммунизму.

На четвертой сессии Верховного Совета СССР посланцы многомиллионного советского народа обсуждают доклад министра финансов СССР депутата А. Г. Зверева о Государственном бюджете нашей страны на 1948 год и об исполнении бюджета за 1946 год. И цифры, сообщенные министром с трибуны Кремлевского дворца, вновь прозвучали на весь мир патетической симфонией, славящей мудрость большевиков, великие подвиги советских людей и торжество социалистического строя.

Темпы нашего движения давно уже удивляют мир. Но из года в год эти темпы продолжают нарастать с новой и новой силой. Эта могучая сила отражена в каждой цифре доклада. Новые заводы и новые школы, новые дороги и новые клубы, шахты и жилые дома, электростанции и сады, многие гектары новых посевов и тысячи новых машин, сошедших с заводских конвейеров, — вот что означал для нас выполненный бюджет первого года послевоенной сталинской пятилетки, вот что крылось за цифрой 325,4 миллиарда рублей, названной министром финансов. А сумма расходов третьего года нынешней пятилетки превышает сумму, израсходованную в первый год, более чем на восемьдесят миллиардов рублей. И за этой цифрой видится нам грандиозный расцвет родной земли, новые плоды изобилия и богатства, все яснее вырисовывается для нас приближение к заветной цели — к коммунизму.

Наше могучее социалистическое государство оказалось единственным государством европейского континента, которое не только смогло выстоять под смертоносным ударом фашизма, но и пришло к победе, освободив другие народы. Наше государство оказалось единственным государством мира, которое в кратчайший, двухлетний срок залечило многие раны, нанесенные войной, и, продолжая убыстрять темпы, безостановочно идет по пути восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства.

В странах, раздираемых противоречиями гниющего капиталистического строя, последствия войны не только не изжиты поныне, — они усугубляются все больше и больше, принося трудящимся день ото дня все новые и новые тяготы. В изголодавшейся Франции продолжают сокращать и без того скудные нормы пайков. Станции британского радиовещания, обучая мир английскому языку, рассказывают о некоей средней «миссис Кларк», которая продолжает мучиться с продуктовыми карточками и промтоварными купонами так же безысходно, как мучилась в годы войны. Правительства шестнадцати стран Европы предательски захлестнули на шее своих народов петлю американской «помощи», превращающей эти страны из суверенных государств в рабов заокеанского капитала. В те дни, когда на трибуне нашего Верховного Совета обсуждаются планы дальнейшего роста и расцвета, — там, за океаном, на сенатской трибуне дебатируется вопрос: а не ввести ли для американских трудящихся нормы потребления мяса? Почему же разжиревшие на военных поставках американские промышленники и банкиры, перегонявшие солдатскую кровь в доллары, не могут накормить свой народ? На это дает ответ бюджет их государства — бюджет, утвержденный сенатом США. Почти 30 процентов этого бюджета будут израсходованы на армию и флот, или, иными словами, на подготовку новой войны.

Как разительно противостоят этой цифре цифры мирного строительства и нового под'ема страны социализма, приведенные в докладе А. Г. Зверева. В то время как США ассигнуют около трети расходов государственного бюджета на военные мероприятия, в нашем бюджете треть расходуемых средств — 116,3 миллиарда рублей из общей суммы в 387,9 миллиарда — ассигнована на социально-культурные мероприятия, а расходы на оборону страны понижаются с 18,4 до 17 процентов всего бюджета. Разве не отражен в этих цифрах весь облик двух стран, весь тот путь, по которому идут они к своим историческим судьбам?

116,3 миллиарда рублей! Что же кроется за этой цифрой?

Эта цифра означает, что в 1948 году количество учащихся в школах всеобщего обучения достигнет 33,2 млн. человек и превысит довоенный уровень. Эта цифра означает, что в наших высших учебных заведениях смогут учиться в нынешнем году 722 тысячи студентов, — больше, чем пятилетний план предусматривал для последнего года послевоенной пятилетки. За этой цифрой стоят сотни новых клубов, поликлиник, театров, миллионы экземпляров книг, — новый расцвет советской культуры.

Нынешний год мы встретили, попрощавшись с вынужденными ограничениями военного времени, — с карточной системой, с нормированием продуктов и промышленных товаров. Мы вступили в новый 1948 год с крепким рублем, с прочной системой государственной торговли, способной обеспечить насущные нужды советских людей. Это был плод выполнения и перевыполнения планов первых двух лет сталинской пятилетки, итог выигранной битвы за хлеб, которая велась на колхозных полях минувшим летом.

Бюджет наступившего года, выраженный в цифрах доклада министра финансов и представленный на рассмотрение Верховного Совета, подводит надежную базу для еще более разительных побед, которые предстоит нам одержать в наступившем году, чтобы обеспечить выполнение пятилетнего плана не за пять лет, а за четыре года, как это решено всем советским народом.

Наш Государственный бюджет обеспечивает дальнейшее развитие и расцвет всех республик, входящих в состав Советского Союза. В цифрах, оглашенных с трибуны сессии, воплощено нерушимое единство, великая сталинская дружба народов.

За цифрами бюджета кроются не только величественные победы, но и множество труднейших задач, подлежащих разрешению общими усилиями всех советских людей. Для того, чтобы эти задачи были успешно разрешены, необходимы высокосознательное отношение к государственному достоянию, подлинно коммунистическое отношение к собственному труду, партийная непримиримость в борьбе за претворение каждой цифры плана в жизненную реальность.

Усиление наших народно-хозяйственных темпов всегда неразрывно связывалось с углублением и расширением воспитательной работы, с постоянным коммунистическим воспитанием широчайших слоев советского народа.

Этим всегда определяются и задачи советской литературы, задачи и планы каждого советского писателя.

Для мастеров советской культуры участвовать во всенародной борьбе за построение коммунизма—это значит упорно и непрерывно бороться за торжество большевистской воли и мысли, за новаторство во всех областях, вести борьбу против рутинерства и косности, повседневно воспитывать пламенный советский патриотизм, пропагандировать социалистическое отношение к народному достоянию. Утверждение образа советского человека, освобожденного от своекорыстия, эгоизма, от пережитков буржуазного мировоззрения,—вот задача писателя в великую эпоху, когда на нашей земле воздвигается здание коммунизма. Показать образ человека, который достоин будет по праву войти в это грандиозное светлое здание, как творец его и хозяин,—вот тот долг, выполнения которого ждут от советских писателей миллионы строителей коммунизма.

Мы живем, обгоняя время и показывая собственным примером путь к счастью для всего человечества.

Советскому писателю надлежит быть не только летописцем славнейшей эпохи. Он должен ясно видеть маршрут, расстилающийся перед нами, и каждой книгой своей помогать партии, ведущей советских людей вперед, по великой сталинской дороге побед.

Кто преграждает книге путь к читателю?

Ни в одной стране так не любят и не ценят книгу, как у нас! Нигде не найти такого требовательного и взыскательного читателя, как у нас! Для такого читателя-друга приятно и радостно писать. Прозаикам, поэтам приятно и радостно сознавать полезность и необходимость их труда.

Десятки писем получают ежедневно советские литераторы от читателей. Десятки писем приходят в редакцию «Литературной газеты», в адрес Союза советских писателей. Пишут из областных и районных центров, из рабочих поселков, из деревень. И во всех письмах одна просьба, один призыв: больше книг, дайте больше книг!

Поэт С. Кирсанов, побывавший недавно в Ростове-на-Дону и Таганроге, убедился, что в городских книжных магазинах отсутствуют произведения русской классической и современной советской литературы. Нет книг по истории, по экономике, по искусству. Один ростовский педагог жаловался, что о многих произведениях советской прозы и поэзии он знает лишь по критическим статьям в газетах и лишен возможности рассказывать учащимся о наших литературных новинках.

Книг у нас нехватает, несмотря на миллионные тиражи, и это понятно: слишком велик в нашей стране спрос на печатное слово. Но дело не только или, вернее, не столько в том, что спрос на книгу велик и его трудно удовлетворить. Дело и в правильной организации издания и распространения. Книг, которые нужны в первую очередь, книг, которые должны быть на вооружении народа, было бы в нашей стране значительно больше, если бы их издание и распространение не поручалось порой людям равнодушным, с холодной кровью, людям, в представлении которых книга—это лишь «продукт типографского производства», и только!

Мы, конечно, не имеем в виду наборщиков и цинкографов, печатников и брошировщиков, мы не хотим обидеть честных работников книжных магазинов—все они наши друзья, и труд их, как и труд писателей, служит одной великой и благородной цели! Но советские писатели не могут оставаться равнодушными к тем промахам, какие совершают издательства, к серьезным недостаткам в работе книготоргующих организаций, к беспорядкам, имеющим еще, к сожалению, место в деле распространения книг. Наши издательства не имеют права планировать выпуск книг без учета запросов и требований читателей. Нельзя допускать, чтобы типографии срывали сроки выхода книг в свет и вопреки планам «выдавали тиражи по частям». Нельзя мириться и с тем обстоятельством, что книги зачастую рассылаются Когизом на места по принципу: «Таблетки от горной болезни — в степные районы, а средства борьбы с вредителями полей — в горные аулы». Нельзя проходить мимо таких фактов, когда сотни, а то и тысячи книг бесследно исчезают с прилавков (или, вернее, из-под прилавков) магазинов, чтобы попасть затем на стол читателя через руки спекулянтов.

Примеры? Их сколько угодно.

Пару месяцев назад в книжных магазинах курортных приморских городов можно было обнаружить большое количество экземпляров пухлой брошюры, трактующей о методах борьбы с суховеем в восточных областях страны. Брошюра полезная, что и говорить, — но не ясно ли, что реальную пользу она может принести именно в восточных областях, но никак не на курортах, где ее, естественно, никто не покупает.

Другой пример. Недавно в киоске на одной из маленьких станций Закавказской ж. д. была обнаружена залежавшаяся в значительном количестве экземпляров книга сонетов Ронсара. Как попал туда Ронсар? Кому из когизовских деятелей пришло в голову засылать в станционный киоск книгу средневекового французского поэта, если в местной библиотеке (не говоря уже о магазине) очереди за произведениями Толстого, Горького, Маяковского? Так ли уж сложно было сообразить, что сонеты Ронсара скорее приобрел бы какой-нибудь столичный библиофил?

Пример с засылкой сонетов Ронсара не в тот адрес свидетельствует прежде всего о том, что Когиз, планируя распространение книг, совершенно не учитывает запросов читательских кругов, хотя именно Когиз должен влиять на тиражи, ставя вопрос о переизданиях. В нашем распоряжении огромное количество фактов, которые говорят о том, что произведения, пользующиеся особенным спросом, произведения злободневные, выпускаемые к тому же в больших тиражах, далеко не всегда доходят до читателя. Ведь не секрет, что в типографиях плохо организован контроль за тиражами книг, в результате чего большое число экземпляров бесследно исчезает из типографских складов и цехов. Ведь не секрет, что книги, попадая в район или область, распределяются главным образом «закрытым способом». Не секрет, что кое-где при строгом невмешательстве органов милиции процветает спекуляция книгами. Разве не анекдотичен такой факт: когда писателю М. Пришвину понадобилось приобрести несколько экземпляров книги собственного сочинения — «Избранное», он не смог этого сделать ни в одном московском магазине. Но зато на Кузнецком мосту, где на тротуарах подвизаются книжные спекулянты, некий молодой человек предложил писателю 25 экземпляров «Избранное» по... тройной цене. Как попадают к спекулянтам книги, предназначенные для продажи в государственных магазинах? Этот вопрос можно с одинаковым основанием адресовать и книготоргующим организациям и работникам московской милиции.

Много существенных недостатков и в работе наших типографий, причем значительную долю вины за это несет опять-таки Когиз, который, как правило, по 3—6 месяцев не вывозит с типографских складов готовые и оплаченные тиражи. Когиз лишает себя тем самым возможности пред'являть типографиям деловые претензии. А в том, что претензии эти могли быть основательными, легко убедиться на многих примерах. Несвоевременная сдача тиражей книг стала в иных типографиях явлением обычным. За 6-й типографией остается 16 тысяч (из двадцати) экземпляров шестого тома собраний сочинений Мопассана, в типографии «Московский рабочий» несколько месяцев пролежало 7 тысяч экземпляров книги В. Лидина «Изгнание» и т. д.

Не волнует работников Когиза и важный вопрос о хранении и транспортировке книг. За редким исключением, складские помещения Когиза находятся в захламленном и запущенном состоянии,—это, естественно, сокращает жизнь книг. Так, например, обстоит дело в огромных, холодных, сырых бараках склада № 5 на Варшавском шоссе.

Значительная часть книг гибнет при транспортировке из-за плохой, небрежной упаковки, из-за отсутствия рогожи, которой почему-то повсеместно перестали пользоваться, из-за недостатка брезента, необходимого при перевозках книг в непогоду.

Нельзя дольше терпеть такое положение. Книга — оружие, а оружие надо беречь. Книга — это та духовная пища, без которой не может прожить советский человек, и мы обязаны добиться, чтобы книги доходили до самых отдаленных уголков нашей страны. Это нужно сделать, и это можно сделать.

Бригады писателей и журналистов, создаваемые Союзом советских писателей СССР и редакцией «Литературной газеты», ставят своей целью решительно улучшить и двинуть вперед издание и распространение художественной и всякой иной литературы. Должна быть самым внимательным образом обследована и изучена работа издательств, типографий, складов, книготоргующих организаций, книжных магазинов, коллекторов, библиотек. Мы обязаны беспощадно разоблачать всех, кто способствует расхищению книг, ибо не только расхитители, но и те, кто не борется с ними должным образом, совершают преступление. Мы обязаны убрать все преграды, которые стоят между книгой и читателем.

Борясь за решение этой важной задачи, имеющей общегосударственное значение, писатели и редакция «Литературной газеты» рассчитывают на активную помощь и поддержку широких кругов советской общественности.

Бригада Союза советских писателей и «Литератуоной газеты»:
Ираклий АНДРОНИКОВ, Николай АСЕЕВ, Семен КИРСАНОВ, Вл. ЛИДИН, Михаил ПРИШВИН, Вит. ФЕДОРОВИЧ.

Телеграммы «Литературной газете».

Больше бумаги стране!

Из Сокола

В «Литературной газете» 28 января была помещена корреспонденция «Звезда над Соколом» бригады Союза советских писателей и «Литературной газеты», работавшей на нашем комбинате. Сообщаем, что комбинат им. Куйбышева выполнил январский план: по бумаге на 106 процентов, по целлюлозе—на 102,5 процента. Просим передать бригаде Союза советских писателей, что в последнюю декаду января звезда над «Соколом» горела непрерывно!

Директор комбината им. Куйбышева МАСЮК.
Секретарь парткома ПЛОХОТИКОВ.
Председатель фабкома ФЛЯГИН.

Из Краснокамска

Краснокамский комбинат январский план выполнил по бумаге—на 108,2 процента, по целлюлозе—на 110,1 процента, по выпуску тетрадей—на 101,2 процента.

Главный инженер комбината РАПОПОРТ.

Из Правдинска

Январский план Балахнинский бумажный комбинат выполнил на 108 процентов.

Вторжение писателей в жизнь предприятия помогло стахановцам, рабочим, инженерам, техникам и служащим успешно выполнить январское задание. Будем впредь стараться работать еще лучше!

Директор Балахнинского бумажного комбината ТАГАНЦЕВ.
Зам. парторга ЦК ВКП(б) ГАЛИН.
Председатель фабкома КРЫЛОВИЧ.

Бевиновские речи на черчиллевский лад, или на золотой цепи...

У Лукоморья — дог ученый,
Златая цепь звенит на нем,
И, этим звоном упоенный,
Он свирепеет с каждым днем.

Он сбросил маску человечью
И разразился невпопад
Отборной черчиллевской речью
На новый бевиновский лад.

Прошел он школу у бульдога,
И очень рад бульдог-старик,
Что за него, за педагога,
Так славно лает ученик!

С. МАРШАК.

Рис. КУКРЫНИКСЫ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О короткой памяти и моде на „железный занавес"

В № 4514 (от 12 июля 1947 года) «Британский медицинский журнал» решил пожаловаться своим читателям на советских медиков, которые-де скрывают от всего ученого мира результаты своих научных исследований.

Речь шла о новых формах терапевтического вмешательства по методу А. Д. Сперанского (спинальный помпаж), применяемого при наиболее трудных случаях ревматического процесса.

Отметив эффективность этого метода и достижения советских медиков вообще, редакция вдруг обрушилась с упреками на советскую медицину, которая, по ее мнению, укрывается за «железным занавесом» и «хоронит в русском языке» результаты исследований, имеющих общенаучное значение.

Нас, советских читателей этого британского журнала, удивило такое заявление по двум причинам:

Во-первых, потому что мы, русские советские медики, не считаем для себя «похороненными» научные выводы и идеи, опубликованные на любом языке народов мира.

Почему же русский язык, на котором говорят несколько сот миллионов людей, населяющих нашу планету, стал «мертвым» языком для современной науки Запада?!

А, во-вторых, потому, что, по признанию самого журнала, метод А. Д. Сперанского уже проверен и подтвержден за границей.

Не желая отставать от «моды» в приклеивании ко всему, что делается в Восточной Европе, ярлыка «за железным занавесом», научный «Британский медицинский журнал» попал впросак и был изобличен своими же соотечественниками.

В одном из следующих номеров (4516) он вынужден был поместить ряд писем своих читателей — английских ученых, которые выразили редакции свое недоумение по поводу этого выступления журнала.

Английские ученые указали редакции на то, что разбираемый метод подробно описан и научно обоснован в монографии А. Д. Сперанского — «Элементы построения теории медицины», рецензия на английское издание которой была помещена в этом же журнале еще в 1936 году (8 февраля, стр. 263).

Коротка же память у некоторых английских редакторов!

Один из английских читателей напоминает также о том, что книга А. Д. Сперанского, о которой идет речь, уже дважды издана на английском языке и находится на полке в Королевской медицинской библиотеке в Лондоне, где она всегда к услугам читателей.

Другой, не скрывая конфузного положения, в которое поставила себя редакция, задает вопрос: «Кого же следует обвинять в «железном занавесе» — нас или русских?»

Нельзя не согласиться со справедливостью этого вопроса.

О. Я. ОСТРЫЙ,
доктор медицинских наук.
А. М. ЧЕРНЫХ,
кандидат медицинских наук.

Разоблаченный Голливуд

НА КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИКОВ КИНЕМАТОГРАФИИ В МОСКОВСКОМ ДОМЕ КИНО

Известный французский кинорежиссер Рене Клэр в ответ на вопрос — почему он, настоящий художник, признанный мастер, стал производить фильмы, потрафляющие дешевым вкусам обывателя, заявил: «Я не хочу, чтобы моя семья умерла с голоду».

Иными словами выразил ту же мысль американский режиссер Уайльдер в статье, помещенной в журнале «Америка»: «Мы имеем право выбирать то, что мы хотим, но мы обязаны выбирать то, чего требуют наши хозяева».

А хозяева Уайльдера требуют от него, от всей армии купленных ими киноработников произведений, выражающих своекорыстные, эгоистические интересы хищной американской буржуазии, произведений, развращающих народ, отупляющих зрителя, пробуждающих самые низменные инстинкты.

И Голливуд, ставший символом, знаменем самого растленного «искусства», прибежищем таких политических авантюристов, как Бирнс и ему подобные, покорно подчинился требованиям своих хозяев. С возмущением говорили об этом на конференции лучшие мастера советского кино — В. Пудовкин, М. Ромм, М. Чиаурели, И. Трауберг, М. Донской, М. Пырьев, Г. Александров, С. Васильев и другие.

Крупнейшие художники американского кино занимаются сейчас фабрикацией фильмов, направленных против всего прогрессивного и передового в современном обществе. Гриффит докатился до создания картины, насыщенной духом человеконенавистнического расизма, трактующей «негритянскую проблему» с самых реакционных позиций. Уайльдер, поднявшийся в «Лисичках» до критического показа некоторых сторон капиталистического строя, недавно выпустил картину, утверждающую «пользу» и «целесообразность» взаимного истребления народов. Поражает идейное убожество, безнравственное содержание реакционных фильмов Диснея, Хепборна. Если все эти режиссеры просто пошли на сделку с собственной совестью и продали свой талант капитализму, то Чарли Чаплин переживает трагический кризис. Об этом, по мнению выступавших, свидетельствует его фильм «Месье Верду», полный безнадежного пессимизма.

С веским основанием подчеркивали режиссеры на конференции в Доме кино, что американскую кинематографию нельзя называть искусством, — она стала бизнесом. Американская буржуазия очень хитро использует ее не только в целях высоких прибылей, но и как оружие в своей экспансионистской политике. Именно поэтому национальная кинематография Англии, Франции, Италии и многих других европейских стран (не говоря уже о колониальных странах) вынуждена уступить свои позиции американскому кино. Дело дошло до того, что кинематографисты Италии, например, обратились к своим американским хозяевам со слезным ходатайством разрешить демонстрацию итальянских фильмов в Италии хотя бы в течение... шестидесяти дней в году, после чего последовало милостивое разрешение, но срок демонстрации национальной кинопродукции был сокращен до сорока дней.

Так Европа, «облагодетельствованная» Трумэном и Маршаллом, оказалась наводненной фильмами, проповедующими гангстерство, порнографию, презрение к человеку.

Правы были В. Пудовкин и другие ораторы, утверждая, что уже одно сопоставление советской кинематографии с буржуазной американской явилось бы кощунством. Нет ни одной черты, связывающей наше киноискусство с искусством буржуазным. Наши фильмы в противовес тем, которые фабрикует Голливуд, утверждают жизнь, борьбу, возвеличивают человека и его труд, указывают пути, ведущие к раскрепощению масс во всем мире. Недаром эти фильмы принимаются на вооружение всеми, кто восстает против угнетателей и эксплоататоров, против империалистических захватчиков и грабителей.

На конференции приводились факты огромного морального воздействия советских фильмов на народы, строящие жизнь поновому. В этом смысле наши хроникальные фильмы часто соревнуются с нашими лучшими художественными картинами. Известен случай, когда в болгарских деревнях крестьяне смотрели по 4—5 раз подряд, не выходя из зала, фильм «Советская Киргизия» — такое огромное впечатление он произвел на них.

Велико воспитательное, организующее значение произведений советской кинематографии, превосходство которой над кино Запада и США не приходится доказывать. Однако, несмотря на это, в среде советских киноработников еще есть люди, в чьих рассуждениях о Голливуде звучат порой апологетические нотки. Таковы, например, страницы, посвященные Гриффиту, в книге, вышедшей в 1944 году под редакцией С. Эйзенштейна и С. Юткевича. А ведь в творчестве Гриффита давно уже можно было проследить тенденции, приведшие его сейчас окончательно в стан махровых реакционеров.

Низкопоклонство перед Голливудом, — об этом говорили С. Васильев, И. Пырьев и М. Донской,—нашло свое отражение и в диссертациях работников кино на соискание ученых степеней. Нередко диссертанты отдают преимущество творчеству зарубежных мастеров. На конференции приводились также примеры некритического, подражательского подхода иных советских сценаристов и режиссеров к произведениям буржуазного кино. Именно в западной кинодраматургии заимствовал Л. Малюгин сюжет для своего сценария «Поезд идет на восток», не сообразив, что нелепо втискивать в архаическую для нас форму советское содержание.

Против механического перенесения приемов и ситуаций буржуазного кино в советское киноискусство резко возражали все участники конференции. Они говорили о самобытности нашей кинематографии, представляющей собой искусство нового, советского мира, основанное на своих законах и органически связанное с лучшими традициями всего русского искусства.

350 НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ Н. А. НЕКРАСОВА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Научный сотрудник Института литературы Академии наук СССР С. Рейсер подготовил к печати двухтомное собрание писем великого русского поэта Н. А. Некрасова.

Новое издание включает 1.235 писем к 165 адресатам. 350 писем публикуются впервые. Среди них неизвестные ранее письма поэта к его сестре, Добролюбову, Фету, Алексею Жемчужникову, В. П. Боткину, критику и журналисту Дружинину, к цензорам.

Письма из Югославии

У премьер-министра Македонии

От специального корреспондента «Литературной газеты»

Ровно два года назад мы впервые посетили этот дом. Широкая лестница, покрытая мягкой красной дорожкой, ведет на второй этаж. Массивная дверь с табличкой: «Шеф кабинета». В просторной приемной за столом сидит средних лет чиновник. Он поднимается нам навстречу, предлагает раздеться. Потом он открывает боковую дверь, и мы проходим в кабинет премьер-министра Народной республики Македонии.

Большая, хорошо обставленная комната. Стены и потолок отделаны резным дубом. На окнах легкие тюлевые занавески. Пол устлан большим многоцветным ковром.

Премьер-министр встречает нас радушно. Мы усаживаемся за круглый стол, стоящий посредине кабинета. Это вторая наша встреча. Премьер держит себя с той же простотой и сердечностью.

— Како е, другови? [1] — обращается к нам Колишевский.

— Добро, друже Колишевский! [2] — отвечают мои спутники, и я вспоминаю, что и тогда наша беседа началась такими же словами...

... Лазар Колишевский — один из той славной плеяды воспитанных Тито молодых революционеров Югославии, которые выросли и закалились в подполье во времена господства королевской фашистской клики.

Колишевский родился в 1914 году в семье македонского пастуха. Он рано остался без родителей. Дальние родственники определили его в сиротский приют в городе Битоле. Ему и его сверстникам в этом заведении всеми способами вбивали в голову одну мысль:

— Македония не существовала, не существует и никогда не будет существовать. Есть Южная Сербия. Сербы — господа, македонцы — работники. Так было, так есть и так будет вовеки...

Юный Лазо учился прилежно. Он успешно окончил четыре класса сиротской школы, а потом ушел в Сербию искать счастья. В городе Крагуевац он поступил в ремесленное училище при военном заводе. Работая там, он вскоре понял, что не все сербы—господа. Он увидел подневольных сербов-рабочих, в поте лица добывающих кусок хлеба. Тогда, еще юношей, он понял, что нет на свете дела более святого, чем борьба за освобождение угнетенного народа. В училище Лазо вступил в нелегальную комсомольскую организацию.

Прошло три года. Лазо окончил ремесленное училище и поступил на военный завод слесарем. Рабочие избрали его руководителем своей профсоюзной организации.

В это время Колишевский знакомится с трудностями избранного им пути: его трижды арестовывают. Но преследования не сломили воли молодого революционера, и он продолжал смело призывать рабочих к борьбе за свободу. Его избирают организационным секретарем окружкома коммунистической партии. А после оккупации страны гитлеровцами ЦК компартии Югославии направляет Лазара Колишевского в Македонию. Там он в скором времени становится во главе коммунистической организации.

То был самый напряженный и опасный период в жизни Колишевского. Он создает военные комитеты в городах и селах, формирует партизанские отряды в горах, готовит вооруженное восстание против захватчиков.

Но у молодых революционеров не было достаточного конспиративного опыта. Фашисты раскрыли коммунистическую организацию в городе Охрид и арестовали пятнадцать коммунистов. Врагам удалось также напасть на след Колишевского и арестовать его.

Мужественно переносил Лазар Колишевский истязания и пытки. Он остался тверд и непреклонен. Фашисты приговорили его к смерти, но с исполнением приговора не спешили. Пятнадцать месяцев просидел он в камере смертников — и не сдался.

Стойкость Лазара победила: казнь была заменена пожизненной каторгой. Фашисты опасались, что казнь Колишевского вызовет особенно страшный для них взрыв гнева со стороны македонского народа. В лагере обреченных на фашистскую каторгу Колишевский создал коммунистическую организацию, которая стала пропагандистом свободолюбивых идей среди заключенных.

Советская Армия освободила узников-антифашистов. В сентябре 1945 года Лазар Колишевский вернулся на родину и волею народа стал премьер-министром Народной республики Македонии.

В народном правительстве Македонии и в народных комитетах округов, городов и сел сейчас много молодых борцов-коммунистов, которые в годы войны с фашизмом показали себя подлинными и бесстрашными защитниками интересов народа. Теперь они с не меньшей энергией овладевают искусством управления государством и за два с лишним года многого успели достигнуть.

— Может показаться чудом, — говорит нам премьер-министр, — что Македония, где еще до недавнего времени процветали феодальный гнет и средневековое рабство, сегодня в братском содружестве с другими народами Югославии строит народное демократическое государство. Но это так. Война и победа пробудили силы народа, пробудили в нем жажду трудовых подвигов. Наш народ трудится честно и самоотверженно. Конечно, нам приходится нелегко. Мы этого не скрываем. Но все же справляемся. Мы успешно справляемся с задачей строительства потому, что нас многому учит богатый тридцатилетний опыт народов Советского Союза, построивших социализм, потому, что нами руководит маршал Тито — человек, который сплотил наши народы в борьбе против общего врага, об'единил их в стремлении к дружбе и братству.

В Македонии разработан и проводится в жизнь пятилетний план развития народного хозяйства. Первый год пятилетки — 1947 год — закончился успешно. Это относится к таким отраслям экономики, как промышленность, транспорт, сельское хозяйство, торговля.

В старой Македонии были всего две электростанции общей мощностью около шести тысяч киловатт. Теперь строятся еще две крупные гидроэлектростанции на пятьдесят тысяч киловатт. Кроме того, в течение пяти лет будет создана широкая сеть малых электростанций, и яркий свет озарит не только города, но и села республики.

До войны в горнорудной промышленности Македонии безраздельно господствовал английский, французский и немецкий капитал. Все рудники, где добывались хром, свинец и марганец, принадлежали иностранцам. Руду увозили из страны за границу, перерабатывали там и потом продавали македонцам металл по баснословным ценам. Теперь эта промышленность перешла в собственность государства. Добыча хромовой руды, свинца и марганца увеличилась вдвое.

В настоящее время в республике сооружаются четыре металлургических завода, табачный комбинат в Скопле, цементный завод. Пущены три новых кирпичных завода. Начато строительство нескольких предприятий по переработке фруктов и овощей. Этот перечень новостроек пятилетки можно было бы продолжить.

— Страна принимает новый облик, — говорит Лазар Колишевский. — Раньше, в старой Македонии, в каждом районе была одна начальная школа. Теперь в каждом селе построена или же строится своя начальная школа, в районных центрах и крупных селах открыты гимназии и прогимназии.

В кабинет входит заместитель премьер-министра Македонии Любче Арсов. Молодой македонец, он проявил себя как бесстрашный революционер и борец с фашизмом. Мы здороваемся, и Любче Арсов, усевшись рядом с премьер-министром, принимает участие в беседе.

— Македония прежде всего крестьянская страна, — продолжает Колишевский. — Это страна пока все еще отсталого сельского хозяйства. Рало — деревянная соха — до самого последнего времени была основным сельскохозяйственным орудием. Сотни и тысячи безземельных крестьян, работая на кулаков и помещиков, влачили жалкое существование.

Аграрная реформа, осуществленная правительством республики, резко улучшила положение македонского крестьянства.

— Теперь у нас в республике нет ни одного безземельного крестьянина, — с гордостью замечает Любче Арсов.

— Совершенно верно, — подтверждает премьер-министр. — Это одно из самых крупных завоеваний народной демократии.

Проведение аграрной реформы не ограничивается передачей помещичьих земель крестьянам. Государство проводит экономическое районирование, пропагандирует передовую агротехнику. Оно помогает крестьянским хозяйствам горных районов переселиться в плодородные долины.

Передовое крестьянство об'единяется в сельские трудовые коллективы—задруги. Об'единенными силами бедняцкие и середняцкие хозяйства лучше и быстрее обрабатывают посевы, собирают с полей более высокий урожай. К началу 1948 года в Македонии было сто десять крестьянских земледельческих задруг, которые об'единили около двух тысяч крестьянских хозяйств. Задруги располагают посевной площадью в пятнадцать тысяч гектаров.

Благодаря всему этому созданы условия для механизации сельского хозяйства. За 1947 год восемь машинно-тракторных станций, организованных в Македонии, обработали тридцать пять тысяч гектаров. Государство предоставило задружным крестьянским хозяйствам значительное количество инвентаря: плугов, сеялок, жаток, молотилок.

— Интересно, — замечает Любче Арсов, — что все македонские помещики имели только девять тракторов, а у нас сейчас — двести девятнадцать!

В долинах Македонии растет прекрасный табак. Крестьянство любовно возделывает эту важную для страны культуру. Продукция табака за последние годы во много раз увеличилась. Крестьяне, выращивающие табак, получили в 1947 году один миллиард триста пятьдесят миллионов динаров дохода. О таких суммах раньше они и мечтать не могли.

— Пятилетний план,—говорит премьер-министр, — предусматривает дальнейшее развитие сельского хозяйства Македонии. К концу пятилетки мы будем иметь передовое земледелие, в достаточной степени механизированное, которое не только обеспечит страну необходимыми продуктами, но и даст большое количество товарных излишков технических и продовольственных культур.

Премьер-министр и его заместитель приводят новые и новые цифры, свидетельствующие об успехах, достигнутых страной. В этих цифрах — труд и пот свободолюбивого славянского народа, ставшего, наконец, свободным и независимым.

Когда мы прощаемся с гостеприимными хозяевами, Лазар Колишевский с глубоким, искренним чувством говорит:

— В наших сердцах, в сердце каждого македонца и каждой македонки, живет одно горячее желание: чтобы товарищ Сталин, которого мы любим, как отца родного, был бы здоров долгие годы. Что касается Македонии, то она и впредь будет предана делу защиты справедливого мира и никогда не свернет с пути, по которому она идет сейчас. Как священную клятву, мы произносим слова — мир, демократия, социализм!..

Теплый, мягкий вечер. На высоком мосту, пробегающем через шумную реку Вардар, горят электрические огни. Они ярко освещают Скопле — столицу Македонии — страны, где строится новое, демократическое, счастливое общество.

СКОПЛЕ. **Ф. НАСЕДКИН**

[1] Как дела, товарищи?
[2] Хорошо, товарищ Колишевский!

Рис. Л. БРОДАТЫ.

— Гарри, не находишь ли ты, что настала пора окрасить Белый дом в коричневый цвет?

По страницам иностранных журналов

НОВОЕ «СВОЙСТВО» АТОМНОЙ БОМБЫ

Побывав в Японии, лейтенант медицинского корпуса военного флота США Р. В. Берлин сделал ряд «открытий». Он установил, что 80 проц. японских «дансинг-герлс» и знаменитых гейш дают положительную реакцию на сифилис. Затем он узнал, что больных можно оперировать скверным тупым инструментом и «лечить» весьма сомнительными лекарствами, а то и вовсе обходиться без медикаментов. Но самое поразительное открытие медика Р. В. Берлина относится к области влияния на мирных жителей Японии атомных бомб. «Единственной реакцией подвергшихся бомбежке является восхищение великолепным оружием. Нет внешнего выражения ни ожесточения, ни горечи. И тот, кто уцелел, беспечно рассказывает о зрелище и даже шутит по его поводу».

Именно так и сообщает об этом своем «открытии» Р. В. Берлин в большой статье в журнале «The Scientific Monthly» (№ 1, 1947 г.).

КУЛЬТ РЕВОЛЬВЕРА

В США около 3.000 человек ежегодно гибнет из-за неосторожного обращения с оружием, — сообщает журнал «Mechanic Illustrated» (№ 8, 1947 г.). Около 30 проц. всех смертельных несчастных случаев в домашней обстановке — результат нежданного выстрела, говорит статистика 1944 года.

Захлебываясь от восторга, различные авторы на страницах популярных журналов рассказывают о подвигах «рыцарей револьвера» — сыщиков, стреляющих без промаха, стоя на голове, скатываясь по ступеням лестницы. На подростков с воображением, распаленным чтением детективных романов, этот культ револьвера действует с огромной силой. Лет в пятнадцать мальчик уже осуществляет мечту и повсюду ходит с каким-нибудь усовершенствованным оружием в кармане — в США стать владельцем револьвера или пистолета — пустяковое дело. Культ оружия не встречает резкого осуждения, и понятно, почему — это увлечение на руку фабрикантам оружия и проповедникам войны.

Факты без комментариев

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ МАКАРТУРА

В Токио на квартире бывшего министра путей сообщения Танака были обнаружены большие запасы сахара, масла, виски и других продуктов, которые постепенно перепродавались по спекулятивным ценам на черном рынке. Танака подвергался «политической чистке» в 1946 году и прошел ее беспрепятственно.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Американские богачи тратят бешеные деньги на своих комнатных собак. Для них заказывают специальную мебель, дорогую посуду, изысканные одежды, надевают золотые коронки на зубы, украшают собак драгоценностями. В особых собачьих парикмахерских четвероногим клиентам делают маникюр, красят шерсть в необыкновенные цвета. Большие деньги зарабатывают художники, специализирующиеся на собачьих портретах. В 1943 году, в разгар войны, американскими богачами было истрачено 7 миллионов долларов на уход за собаками, 3 миллиона долларов на драгоценные ошейники, игрушки и духи и 10 миллионов долларов на особую собачью гастрономию.

«ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО»

В США прибыл известный английский киноактер Джеймс Мэсон, следующим образом охарактеризованный журналом «Америкен мэгэзин»: «Это—человек, которого зрители на обоих берегах Атлантического океана обожают за то, что он с утонченной жестокостью мучает на экране женщин, изображая то садиста-любовника, то сумасшедшего мужа, то изверга-опекуна невинной девушки...»

Приезд Мэсона, зарабатывающего миллион долларов в год, явился в США сенсацией. Толпы его «поклонниц» бросились к нему, чтобы заполучить автограф. Одной из них он заявил: «Я люблю, чтобы женщины целовали мне руку, когда я их бью...»

ЗВЕРИ И ЛЮДИ

Как сообщает газета «Трибюн де насьон», муниципальный советник столицы штата Георгия — Атланты заявил, что «звери в городском зоологическом саду находятся в лучших санитарных условиях, чем 162 тыс. жителей города, которые из-за бедности вынуждены жить в ночлежных домах Атланты».

И. ЗВАВИЧ

Убийство Ганди

На 79-м году жизни убит Ганди.

Вот вкратце то, что мы знаем об обстоятельствах этого убийства. Ганди встречала в Дели многочисленная толпа приверженцев. Все расступились перед ним. Люди сложили руки в молитвенном приветствии. Скрытый в толпе, ждал убийца. Он сложил руки, как все, но зажал в них револьвер. Когда Ганди приблизился, убийца произвел в него несколько выстрелов, и Ганди упал, обливаясь кровью. Арестованный убийца назвал себя Натхурам Винайяк Годе и сказал, что чувствует себя отлично, ибо выполнил свое намерение.

«Бессмысленное преступление фанатика», — кричит английская и американская буржуазная печать.

Нет! Убийство Ганди имеет свой смысл, оно, несомненно, кое-кому выгодно; оно совершено с определенной целью. К голосу Ганди прислушивались миллионные массы угнетенного индийского народа. Ганди завоевал моральный авторитет, как защитник единой, независимой Индии.

Его методы борьбы не разделялись революционными демократами всего мира: Ганди не понимал, что коварного и жестокого врага не проймешь хорошим словом; Ганди пытался отвечать непротивлением на насилия. Но авторитет свой Ганди использовал в последнее время для того, чтобы воспрепятствовать междоусобной войне, искусственно разжигаемой британским империализмом в Индии и его верными агентами — Эттли и Бевином.

За свою долгую жизнь Ганди пришлось испытать немало разочарований. В молодости он учился в Англии, получил адвокатский диплом, относился с уважением к британской конституции, британскому суду, британским обещаниям. Он даже получил британский орден и затем — в 1919 году — отослал его назад, как знак отличия, дарованный палачами индийского народа.

В первый раз Ганди вступил в борьбу с угнетателями индийского народа во время пребывания в Южной Африке. Ганди решительно протестовал против расовой дискриминации, которую уже тогда систематически проводили хозяева Южной Африки — капиталисты англичане и буры. Противником Ганди в Южной Африке был Ян Смэтс, в то время министр, теперь глава правительства доминиона и фельдмаршал.

Между 1908 и 1913 годами Ганди в Южной Африке восемь раз был заключен в тюрьму. Теперь, в лицемерном соболезновании, присланном из Кэптауна, Смэтс расписывается во всемерном уважении к памяти убитого. Тогда Смэтс и его полицейские сделали все, что было в их силах, чтобы умертвить Ганди. Они сажали его за тюремную решетку, где содержались уголовные преступники и где люди умирали, не вызывая ни у кого удивления своей смертью, таковы были чудовищные условия заключения. Но Ганди выдержал все испытания. В те годы он еще полагал, что в расовой дискриминации повинны только хозяева Южной Африки, а британские власти в метрополии будто бы не сочувствуют несправедливости.

В 1914—1919 годах Ганди сотрудничал с британским имперским правительством. Но уже в 1919 году Ганди пришлось убедиться в своей ошибке: индийский народ был угнетен, оскорблен, унижен и беден именно по вине британского империализма, а не по чьей-либо иной. Когда Ганди увидел, что нельзя верить ни одному слову, ни одному обещанию британских деятелей, он назвал британскую колониальную систему сатанинской. Отныне Ганди вел своими средствами борьбу непосредственно против британского империализма.

За 25 лет, между 1919 и 1944 годами, Ганди был арестован и содержался в различных местах заключения восемь раз, в том числе два раза по два года; в последний раз его бросили в тюрьму в 1942 году, когда ему уже было за семьдесят лет. Несмотря на все усилия империалистов, Ганди не удалось морально убить тем испытанным методом, каким в Индии достаточно часто устраняли борцов за свободу, — посредством содержания в индийской тюрьме. Это был человек сильной воли.

Ганди не сомневался в конечном успехе индийского национально-освободительного движения. Он решительно отрицал право британских империалистов управлять Индией и эксплоатировать ее. Он научился реально оценивать обещания и посулы английских колонизаторов. Во время выборов 1945 года в Англии, когда лейбористы лицемерно провозглашали свое намерение выполнить данное Индии в 1942 году Криппсом и Черчиллем обещание предоставить ей независимость, — Ганди отправил телеграмму одному—и единственному! — кандидату с пожеланием успеха. Этим кандидатом был коммунист Палм Датт. Ганди писал, что только от британских коммунистов можно ожидать честного отношения к требованиям независимости, исходящим от индийского народа, и действительного удовлетворения этих требований.

Английский план расчленения Индии имел своей задачей не допустить предоставления ей подлинной независимости. Расчленяя Индию на два доминиона и множество княжеств, противопоставляя друг другу племена, народности, религиозные убеждения, кастовые и иные предрассудки, британские империалисты высказывали надежду, что такая «независимость» приведет к кровавым беспорядкам и послужит доказательством того, что индийские народы сами «не могут» управлять своей страной. Черчилль откровенно говорил об этом в палате общин; Бивербрук осмеливается утверждать это даже теперь, спустя два дня после убийства Ганди.

Смерть Ганди была нужна британским империалистам, как доказательство их «правоты», они рассчитывают использовать ее для дальнейшего разжигания междоусобиц. Прогрессивная печать разных стран не без основания высказывает предположение, что руку убийцы направляла британская разведка Интеллидженс сервис. Итальянская газета «Унита» писала: «Интеллидженс сервис знает свое ремесло. Всем хорошо известно, что там, где действуют силы империализма, там льется кровь, совершаются убийства, организуются провокации».

Теперь над свежим трупом Ганди кощунствуют фарисеи. Социал-империалист Морган Филиппс осмеливается утверждать, что лейбористская партия исполняла пожелания Ганди, когда приняла план раздела Индии. Но ведь нельзя забыть, что Эттли, Бевин и Криппс были членами того кабинета, который держал Ганди в заточении. И нельзя также привести ни одного высказывания Ганди в пользу лейбористского варианта империализма.

Леон Блюм не уступает Филиппсу; он заявляет, что у него с Ганди «общий идеал». Этот «идеал» позволяет Блюму и его партии, находящейся в правительстве, заточить в тюрьму председателя вьетнамской делегации в Париже и посылать войска для усмирения Мадагаскара.

Блюм и Филиппс хотят замолчать главное в деятельности Ганди — его борьбу против империализма.

Смерть Ганди — большая потеря для индийского народа. Лучшие люди Индии сплотятся в борьбе против общего врага, против империализма Эттли — Бевина, не желающих считаться со стремлением колониальных народов к свободе и независимости.

Федор КЕЛЬИН

ТАКАЯ ЛИТЕРАТУРА НЕПОБЕДИМА!

И в эмиграции, и во франкистском подполье испанские писатели продолжают борьбу с тиранией Франко. Своей творческой работой они содействовали под'ему художественной жизни Латинской Америки, где,—главным образом, в Мексике и Аргентине, — и живут сейчас испанские литераторы. В самой Испании они создали ряд подпольных газет и журналов («Демократ», «Наше время» и другие) и свой «Союз свободных интеллигентов».

Гром великой Сталинградской битвы придал испанским писателям-антифашистам новые силы, укрепил их веру в победу над фашизмом и франкистским режимом. После 1942 года появилось особенно много талантливых произведений. Здесь и стихи, и проза, и драмы Рафаэля Альберти, Педро Гарфиаса, Сесара М. Арконады, Хосе Бергамина, Леона Фелипе, Марии Тересы Леон, Мануэля Д. Бенавидеса, Александро Касоны, Антонио Апарисио, Хосе Эррере Петере, Артуро Серрано Пляха, Мануэля Альтолягирре, Хуана Рехано, Клементе Симорры и многих других. Любовью к своему народу, верой в близость победы, ненавистью к фашизму и горячими симпатиями к великому другу демократической Испании — Советскому Союзу проникнуты их произведения.

Для того чтобы дать читателю представление о том духе борьбы, каким живет сейчас литература демократической Испании, коротко расскажем о трех недавно вышедших выдающихся книгах.

Поэт Антонио Апарисио во время войны в Испании был «культурным делегатом» дивизии Кампесино. В сражении при Мараньоне он был тяжело ранен. После поражения Республики Апарисио эмигрировал в Латинскую Америку, где написал замечательные стихи об Испании и о Великой Отечественной войне советского народа. Особенной известностью пользуются его «Сонет первому павшему советскому бойцу», «Рубен Руис Ибаррури» и «Привет Советской Армии». В недавно выпущенном сборнике стихов Апарисио мы находим большой цикл «Дыханье вечное Свободы...» Основным героем этого цикла, как, впрочем, и всей книги, является испанский солдат освободительной войны, нынешний партизан.

Осенью 1946 года чилийские власти едва не выдали франкистам Апарисио, написавшего обличительную книгу о мировом фашизме. Тогда его спасло вмешательство передовой общественности Латинской Америки. В октябре прошлого года Антонио Апарисио был снова арестован распоясавшейся чилийской реакцией, ненавидящей этого прекрасного поэта за его боевые стихи, которые пользуются огромной популярностью у трудящихся в странах испанского языка.

Товарищ поэта Апарисио по оружию в годы освободительной войны Хосе Эррере Петере, бывший редактор газеты 5-го Мадридского полка и 5-го корпуса генерала Листера, издал в Мексике большую повесть «Вершины Эстремадуры». Повесть эта в первоначальном варианте была написана им еще в Испании, но теперь переделана и снабжена эпилогом, рассказывающим о судьбе героев в наши дни. Писатель рисует жизнь партизан и беженцев разгромленной франкистами деревни Сан-Висен д'Алькантара в горах Эстремадуры. Главный герой повести — эстремадурский крестьянин партизан Боэмундо — гибнет. Он умирает после страшных пыток, с презрением отвергая предложение франкистов выдать товарищей и этим спасти свою жизнь. Погибает, как подлинный борец за свободу.

В драме «Молодая партизанка» Хосе Бергамина рассказана история совсем юной девушки, которую даже зовут «Ля Нинья» — «девочка», «ребенок». Ля Нинья заменяет убитого фашистами партизана, становится командиром отряда, совершает подвиги и гибнет в обстановке, напоминающей гибель Боэмундо. Драма, или, точнее, драматическая поэма Бергамина, большого друга Советского Союза, создавалась, по признанию автора, под вдохновляющим влиянием светлого образа Зои Космодемьянской. Написанная прозой и прекрасными народными стихами, она глубоко поэтична и производит огромное впечатление.

Тщетно силится Франко посеять панику в рядах передовых испанских писателей, переманить на свою сторону хотя бы одного из крупных представителей республиканской литературы. Даже престарелые деятели испанской науки и искусства, вроде знаменитого композитора Мануэля де Фалья (умер в Аргентине в 1946 г.) и известного гистолога Пио дель Рио Ортега (умер там же годом раньше), которых Франко в интересах своего престижа пытался заманить в «Голубую империю», предпочли смерть на чужбине позорной сделке с фалангизмом.

На лицемерные заигрывания Франко передовое испанское искусство ответило устами драматурга Александро Касоны: «Ненавидеть Франко всеми силами души нас заставляет вся наша этика, вся наша манера воспринимать и оценивать жизнь. Наша этика и в то же время этика нашего народа! Франко олицетворяет собою измену нашему историческому пути; он—грубейшее отрицание всякого чувства гражданского достоинства, непримиримый враг подлинной свободы. Это человек, потоками проливавший кровь вчера и стремящийся отравить сегодня кровь нового, грядущего дня. С таким человеком, с таким строем для нас невозможно никакое сотрудничество».

Писатели борющейся Испании в основной своей массе идут по тому же пути, каким шел видный испанский прозаик Мануэль Д. Бенавидес. Писатель, известный в Советском Союзе по роману-памфлету «Последний пират Средиземного моря», во время освободительной войны в Испании принадлежал к социалистам. В 1946 году он вступил в компартию. Бенавидес, умерший в октябре 1947 года в Мексике, уже будучи тяжело больным, неутомимо собирал материалы для задуманного им цикла романов об освободительной войне. «Я хочу, — говорил он, — вернуться в Испанию с полдюжиной книг, которые помогли бы моему народу вспомнить о совершенных им великих делах и понять, кто его враги и где его будущее...»

Нам хочется закончить эту статью строками, заимствованными из юбилейной статьи о гениальном сыне Испании Мигеле де Сервантесе, опубликованной в газете «Мундо обреро» (№ 92 от 13 ноября 1947 года).

«Да! Существует одна непрерывная линия от инквизитора Торквемады до палача Франко. И такая же непрерывная линия идет от Сервантеса к Лорке и Мачадо и к тем испанским писателям, которые в наши дни, подобно Сервантесу, являются писателями-реалистами и стоят на стороне своего народа, потому что сами прошли через огонь боев, изгнание и тюрьму. Такая литература непобедима!..»

УЛУЧШИТЬ ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пусть забьется горячее сердце!

Письмо ленинградских писателей Министерству просвещения РСФСР

«Литературная газета» (№ 66, 1947 г.) поставила ряд вопросов, связанных с существенными недостатками в преподавании литературы в средней школе. Совещание, проведенное на-днях президиумом Ленинградского отделения Союза советских писателей совместно с литературоведами, лучшими учителями и методистами Ленинграда, показало, что речь идет о коренных и принципиальных изменениях в системе преподавания литературы.

Взять хотя бы 5—7-е классы, в которых завершается обучение в неполной средней школе. Достаточно заглянуть в программы этих классов, чтобы убедиться, как мало места уделяется в них советской литературе. Наша советская литература имеет весьма важное значение в формировании мировоззрения учащегося с того момента, когда школьник становится читателем. Однако стоит раскрыть хрестоматию для начальной школы, как сразу же бросается в глаза ряд таких «стихов», которым более уместно было бы появиться в отделе литературных пародий «Крокодила», чем фигурировать в школьной хрестоматии в качестве образцов поэзии. И в то же время подлинно художественные произведения советских писателей в этих хрестоматиях использованы очень мало. На уроках литературного чтения в младших классах детям ничего не говорится о произведении в целом и его авторе, не раскрывается идейное содержание и художественное значение произведения. В результате ученик приходит в 5-й класс, где по программе начинается изучение литературы, овладев только лишь техническим процессом чтения. Это происходит еще и потому, что учитель начальной школы бессилен дать что-либо большее, так как он сам недостаточно подготовлен. В педагогических училищах, готовящих учителей начальной школы, на общую литературу отводится меньше часов, чем... в десятилетке! Даже сейчас, когда педагогические училища переходят на 4-годичное обучение (с 3-годичного), за все четыре года литературе отводится 335 часов, тогда как в десятилетке — 396 часов.

Следовательно, было бы неверно, если бы Министерство просвещения ограничилось только пересмотром программ старших классов. Несомненно, речь должна итти о пересмотре и изменении всей программы. Школа не занимается воспитанием у наших учащихся способности к правильному восприятию произведений искусства, не предупреждает возможности воздействия на нашу молодежь пошлых, безидейных произведений. Как это ни удивительно, но до сих пор в школьных программах старших классов нет материала по марксистско-ленинской теории литературы и искусства. Более того, те элементы теории литературы, которые в программах имелись, в 1946 году были уменьшены в своем об'еме.

В статье писателя Н. Погодина «Нет, не билось горячее сердце!», напечатанной в «Литературной газете» (№ 66), правильно говорилось о коренных недостатках и ошибках учебника «Русская литература» для 8-го класса средней школы, составленного Н. Поспеловым, П. Шаблиовским и А. Зерчаниновым. Еще хуже обстоит дело с учебником Л. Тимофеева «Современная литература». Как известно, этот учебник в 1946 году был подвергнут серьезной критике за грубые идейные ошибки и недостатки. Но вот Учпедгиз выпустил новое, «исправленное» издание учебника. Обсуждение показало, что учебник попрежнему содержит множество ошибок и никого не удовлетворяет.

На совещании был поставлен вопрос о самостоятельной работе учителей по повышению своей квалификации. Эта работа идет без должной помощи органов, призванных содействовать делу народного просвещения. Каждый учитель подтвердит, что получаемые им указания по методике преподавания литературы не только не стимулируют возросшую инициативу преподавателя, а носят чаще всего догматический характер, мешают проявлению индивидуальности педагога, сковывают его.

Какие научные пособия в помощь преподавателям литературы дало за последние годы Министерство просвещения? Что сделано для того, чтобы помочь учителю преодолеть не изжитую еще схоластику в преподавании литературы, покончить с «пережевыванием» литературных произведений, со штампом, превращающим полнокровное художественное произведение в сумму характеристик отдельных «типов»? Что сделано для того, чтобы держать учителя в курсе всех достижений современной советской науки о литературе?

Мы далеко не исчерпали всех вопросов, относящихся к преподаванию родной литературы в школе. Не коснулись мы, в частности, работы литературных факультетов педагогических и учительских институтов, необходимости повседневной помощи школе со стороны научных учреждений.

Ленинградские писатели, включившись в борьбу за перестройку преподавания литературы, хотят помочь тому, чтобы советская литература активно служила великому делу коммунистического воспитания нашей молодежи.

А. Прокофьев, Ю. Герман, В. Панова, Б. Чирсков, Б. Мейлах, О. Берггольц, Л. Рахманов, З. Грин, Г. Гуковский, В. Друзин, А. Дементьев, Л. Плоткин.

Любить, понимать и знать советскую литературу

Обзор писем читателей

Выступление «Литературной газеты» о преподавании родной литературы в школе нашло живой отклик среди широких читательских кругов. Редакция получила большое количество писем из различных городов и сел нашей страны.

«Мы, будущие педагоги, являемся теми, кому партия и правительство поручили почетную и ответственную задачу воспитания нашей молодежи, — пишут студенты литературного факультета Мелитопольского Государственного педагогического института тт. Гаврильченко, Васютин, Цигипова, Кель, Есипенко, Сергеева и другие. — В нашем учебном плане советской литературе отведено всего сорок часов. Говорят, что посеешь, то и пожнешь. Но в данном случае уместнее сказать: что пожнешь, то и посеешь. Что же мы можем «пожать» в течение тех сорока часов, которые товарищи из министерства великодушно пожаловали советской литературе? Что будем мы потом «сеять» в школе? Кого мы будем воспитывать из наших учеников? Мы хотим воспитывать из них Власовых, Корчагиных, Матросовых, Космодемьянских, Чайкиных, Мересьевых. Мы хотим воспитывать из них настоящих советских людей, молодую гвардию коммунизма. Мы любим и изучаем Шекспира, Данте, Сервантеса, Вольтера, Руссо, Гете, Байрона, Гейне, Бальзака. Но мы — прежде всего—члены социалистического общества, мы — дети своей эпохи, и мы хотим лучше, полнее и глубже знать литературу нашего времени, советскую литературу».

Во многих письмах говорится о недостатках преподавания русской литературы в средней школе, о серьезных пороках школьных учебников по литературе.

«Мы поддерживаем требование Н. Погодина о пересмотре учебника для 8-го класса. В средней школе преподавание советской литературы должно занять ведущее место, — пишет группа студентов Ленинградского электротехнического института — тт. Попов, Сиротенко и другие. — В учебнике Л. Тимофеева «Современная литература» автор уделяет всей огромной и многообразной советской литературе, созданной за тридцать послеоктябрьских лет, примерно такое же количество страниц, сколько литературе семнадцати предреволюционных лет. Учебник основан на порочном принципе: дескать, нет советской литературы, как совершенно нового этапа в развитии русского и мирового искусства; советская литература—всего лишь часть русской литературы XX века. Совершенно очевидно, что в истории литературы принципиальной границей должна служить Великая Октябрьская социалистическая революция, а не 90-е годы прошлого века».

Студентка Сумского пединститута Н. Дорошенко справедливо указывает на то, что учебник для 8-го класса из года в год переиздается без учета последних изысканий и достижений советского литературоведения. «О чем, как не о формальном, безответственном отношении авторов и издателей учебника и его редактора к порученному им делу, говорит этот факт», — пишет тов. Дорошенко.

Об ошибках хрестоматии «Родная литература» для 6-го класса средней школы сообщает в своем письме А. Крамарев (Буденновский район, Воронежской области). «Составители хрестоматии А. Толстов, П. Шевченко и А. Петропавловская неверно трактуют творчество великого украинского поэта Шевченко, — пишет тов. Крамарев. — В хрестоматии ничего не сказано о связи Шевченко с великими русскими революционерами - демократами Чернышевским и Добролюбовым, с великим русским поэтом-демократом Некрасовым».

С большими трудностями сталкивается молодой учитель, поехавший на работу в сельскую школу.

«В нашем районе две средних школы, в обеих не укомплектованы библиотеки,— пишет преподаватель Волочинской школы Каменец-Подольской области И. Дузь. — Нет нужных текстов и в районной библиотеке. Поэтому творчество Радищева, Герцена, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Толстого изучается в школах или по старым записям учителя, или, в лучшем случае, по хрестоматии. Трудно достать у нас произведения Горького, Маяковского и других советских писателей.

Я, да и все сельские учителя, целиком поддерживаем преподавателей московских школ тт. Г. Амитирова и Н. Китаева, выступивших в № 66 «Литературной газеты». Вместе с ними мы обращаемся к Министерству просвещения и к издательствам: дайте же школе книгу!».

О ХРЕСТОМАТИЯХ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ В БЕЛОРУССКОЙ ШКОЛЕ

На-днях Центральный Комитет КП(б) Белоруссии рассмотрел статьи Р. Няхая «Непрыгодны падручнік» («Літаратура і мастацтва» от 27 сентября 1947 г.) и С. Василенка «Фальсификаторы и невежды» («Литературная газета» от 4 октября 1947 г.) и признал правильной оценку хрестоматий и учебных пособий по белорусской литературе, данную в этих статьях.

Центральный Комитет КП(б) Белоруссии отметил, что в этих хрестоматиях и учебных пособиях имеются значительные ошибки идеологического характера. Отдельные хрестоматии (в особенности для VIII класса) составлены таким образом, что история белорусской литературы выглядит в них, как «единый поток», оторванный от русской литературы, вне классовой борьбы внутри белорусской нации и отражения этой борьбы в белорусской культуре.

В хрестоматии много места отводится антихудожественным и безидейным произведениям, устаревшим псевдонародным поговоркам и сказкам, а также произведениям, содержащим грубо-эротические мотивы. Лучшие же образцы творчества белорусских писателей — Я. Купалы, Якуба Коласа, К. Крапивы и других в сборники не включены.

Учебная литература оторвана от современности, от требований коммунистического воспитания учащихся. В ней мало произведений, отражающих героические подвиги советского народа в Великой Отечественной войне и в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В хрестоматии для VI класса нет даже упоминания о послевоенной сталинской пятилетке.

Центральный Комитет КП(б) Белоруссии образовал комиссию по составлению проекта программы по белорусской литературе для школы и поручил Министерству просвещения БССР подобрать авторский коллектив для составления хрестоматии по белорусской литературе для школы.

Кроме того, Центральный Комитет КП(б) Белоруссии отметил, что Институт литературы, языка и искусства Академии наук БССР (директор т. Борисенко) из года в год не выполняет постановления ЦК КП(б) Белоруссии о создании учебника по истории белорусской литературы для средней школы, и обязал президиум Академии наук БССР и Институт литературы, языка и искусства сдать в печать новый учебник не позднее 15 апреля 1948 года.

БЕЗ УДИВЛЕНИЯ И ЛЮБВИ

М. ЧАРНЫЙ

Шестая книжка «Сибирских огней» открывается новой повестью Сергея Сартакова «Плот идет на север». События происходят в наши дни. По могучим сибирским рекам Ангаре и Енисею сплавляют лес. Тысячи километров проплывает плот, пока доходит до далекого северного порта — Игарки.

Сибирский плот — это довольно сложное сооружение, протянувшееся почти на километр и состоящее из десятков тысяч бревен, связанных и скрепленных особым способом. Плот движется силою течения, но предоставить его воле волн нельзя: можно погубить и лес, и людей, находящихся на нем. Автор рассказывает о сноровке, мужестве, а подчас и настоящей отваге плотовщиков. Он, повидимому, знает быт сибирских сплавщиков, пишет о них уверенно и любовно. Отдельные черты хороших советских людей — трудолюбивых, проникнутых сознанием своего общественного долга — отчетливо выступают в произведении и прежде всего в образах лоцмана Евсея Маркеловича, его помощницы Ирины Даниловны, которая «хорошо в реке разбирается», дочери лоцмана Вари.

Диалоги С. Сартакова жизненны и выразительны, красочны пейзажи. Словом, эта повесть могла бы быть хорошей. Но, к сожалению, она такой не стала.

В чем же тут дело?

По всем данным, идейно-художественная суть этой вещи заключается в изображении нового характера советской женщины, необыкновенно возмужавшей в последние годы и проявившей столько выдержки, таланта и самоотверженности, принявшей в годы войны на свои плечи огромную тяжесть труда и ответственности.

Мы о вас напишем сочиненья,
Полные любви и удивленья.

—сказал Ярослав Смеляков в стихотворении о наших женщинах.

Какие-то наброски характера новой советской девушки, умной, решительной, смело идущей навстречу жизни, автор пытается дать в образе Вари. Но он торопливо уходит от этой трудной задачи. Главное место в повести занимает история любви демобилизованного молодого человека Александра к Варе, в то время как к нему самому явно неравнодушна тоскующая Ирина. Таким образом, центр произведения смещается. Разумеется, и в любви может быть выявлен характер. Но и этого не случилось. В характере Ирины Даниловны, советской женщины, С. Сартаков, следуя старым литературным образцам, нашел, главным образом, мотивы тоски и покорности. В Варе — больше силы, энергии и требовательности к жизни, но характер ее едва намечен. Александр необыкновенно сер.

Таким образом, в этом произведении о женщинах нет ни настоящих женщин, ни удивления перед ними.

Повесть страдает и другими недостатками. Автор многословен, не всегда точен его язык. «Облака вытянулись... фиолетовым копьем», «Какая Варя красивая! Он внутренним движением чувствовал это». Очень бледно, затасканными словами говорит автор о любви:

«Варенька!..

— Ну, да теперь все равно... Саша, — она прильнула к нему, — Саша, скажи мне хоть ты чего-нибудь.

Он поцеловал ее в голову.

Варя затихла. Сидела молча, все теснее припадая к Александру».

С. Сартаков — способный литератор. При более вдумчивом и требовательном отношении к своей работе писатель мог бы создать действительно полноценное и нужное произведение. Очень жаль, что он поторопился и сдал в журнал явно недоработанную повесть.

Журнал «Знамя» за год

Н. КАЛИТИН

Спросите постоянного читателя «Знамени», что особенно привлекает его в этом журнале, и он без колебаний ответит: отдел художественной прозы.

Если есть у вас дома комплекты «Знамени» за военный и послевоенный период, то лишь несколько отдельных изданий придется вам докупить, чтобы иметь у себя на книжной полке лучшие произведения советских прозаиков, появившиеся в эти годы. «Народ бессмертен», «Волоколамское шоссе», «Дни и ночи», «Молодая гвардия», «Ночь полководца», «Люди с чистой совестью», «В окопах Сталинграда», «Спутники» — все эти произведения, вызвавшие горячий интерес широких читательских масс, появились на страницах «Знамени». И дело не только в том, что редакции журнала удается «законтрактовывать» виднейших наших писателей. Среди авторов перечисленных только что произведений — Березко, Панова, Некрасов, имена еще недавно совсем не известные читателю. А это говорит о стремлении редакции отыскивать и выдвигать молодых талантливых писателей, продуктивно работать с ними.

Истекший год также не обманул ожиданий читателя. Два бесспорно значительных произведения советской художественной прозы 1947 года появились в «Знамени». Это роман П. Павленко «Счастье» и повесть Э. Казакевича «Звезда». Нет надобности повторять здесь все то, что уже сказано о новом романе Павленко. Но нельзя не вспомнить еще раз об огромной заслуге писателя, затронувшего в своем последнем произведении важнейшую тему нашей послевоенной жизни и сумевшего в решении ее сочетать злободневность и внимание к будничной повседневности с широтой обобщений и выводов. Счастье, как умение (и неодолимая потребность!) советского человека слить свою жизнь с жизнью родной страны, невозможность для советского человека найти удовлетворение и покой в мире узко личных интересов и мещанского довольства, — эта тема получила в романе Павленко то правдивое, глубоко волнующее воплощение, о котором хочется сказать словами Маяковского, мечтавшего,

Чтоб из книги
через радость глаз
от свидетеля
счастливого
в мускулы
усталые
лилась
строящая
и бунтующая сила.

О «Звезде» Э. Казакевича еще не сказано нашей критикой тех слов, которых заслуживает это проникновенно искреннее и глубокое произведение, покоряющее удивительной задушевностью и человечностью, поэтичное от первого до последнего слова (а рассказывается в нем «всего-навсего» об одном из рейдов разведчиков в тыл врага). Может быть, и слова здесь нужны необычные, потому что один только анализ замысла и образов не может передать чарующего аромата этой вещи, раскрыть секрет, которым владеет ее автор, умеющий сделать своих героев живыми и дорогими читателю. Автор заставляет нас и много времени спустя после прочтения повести скорбеть о гибели милого, чистого юноши Володи Травкина и его товарищей, черпать в простом и гордом величии их подвига живительные силы для борьбы за продолжение того дела, которому отдали они свою жизнь.

Третье крупное произведение, напечатанное в прошлом году в «Знамени», — роман В. Пановой «Кружилиха» — послужило об'ектом только что закончившейся дискуссии, вскрывшей серьезные недостатки нового произведения талантливой писательницы. Но при всех недостатках роман В. Пановой представляет собой попытку писателя отразить в художественных образах важнейшую сторону нашей действительности, показать повседневный трудовой подвиг советских людей, и хочется думать, что эта попытка найдет достойное продолжение в творчестве и самой Пановой и других писателей. Хочется надеяться также, что умная и чуткая писательница сделает настоящие, глубокие выводы из той критики, которой был подвергнут ее роман, представляющий собой все же шаг назад по сравнению со «Спутниками».

«Счастье», «Звезда» — вещи очень разные и по тематике и по стилю. И все же есть в них то общее, что отличает не только эти, но и многие другие произведения послевоенных лет. Как никогда, ощущаем мы в этих произведениях то органическое слияние будничного и романтического, повседневного и героического, которое характеризует самый стиль нашей жизни, нашей эпохи. Может быть, именно это сообщает такой интерес и ценность не только лучшим романам и повестям последних лет, но и тем документальным записям и воспоминаниям, которых так много появилось после войны.

С захватывающим интересом читаем мы в «Знамени» воспоминания И. Козлова, руководителя подпольной организации в Крыму, рассказывающего о высоком героизме и мужестве советских патриотов, боровшихся в тылу врага. Записки корпусного инженера Н. Стечишина «Первые дни на фронте» и «Записки офицера» Г. Пэнэжко воскрешают в памяти читателя трудные дни первого этапа войны. О мужестве и силе духа наших моряков говорят записки И. Кирпленко, в которых с подлинным драматизмом рассказывается о шестнадцатидневной борьбе горсточки людей с раз'яренной стихией. Преданность родине, стойкость советского человека в страшных условиях гитлеровской тюрьмы—такова тема «Психологической камеры» С. Дзюбинского.

Почин «Знамени», начавшего широкое публикование подобного рода произведений, является исключительно важным и ценным. И дело не только в том интересе, который вызывают они у читателя, но и в том, что в лице многих из авторов таких записок и мемуаров в нашу литературу вступают новые писатели, несущие в нее огромный жизненный опыт, знания, свежесть и непосредственность восприятия. Достаточно назвать хотя бы такие произведения, как «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, напечатанные в «Знамени» в 1946 году, или «Подпольный обком действует» А. Федорова («Новый мир», 1947 г.). Но, смело привлекая новых авторов, редакция ни в коей мере не должна устраняться от очень большой и кропотливой работы с ними, иначе большое и важное начинание может не оправдать себя.

В том, что многие из произведений новых авторов не оказались содержательнее, ярче, чем они могли быть, бесспорно, вина редакции. Сила «Людей с чистой совестью» не только в талантливости автора, но и в том, что при всей документальной достоверности произведение это нигде не граничит с чистой фактографией; правда отдельных событий и эпизодов осмыслена в нем, как большая историческая правда; в образах реально существовавших и существующих людей автор умеет оттенить типичное, запечатлеть характерные черты борющегося народа. Относится ли это к произведениям, о которых идет речь? Да, относится, но не в такой же степени, и вина за это ложится в первую очередь на редакцию.

В одном из последних обзоров читательских писем, напечатанных в «Знамени», приводятся многочисленные пожелания читателей, обращенные к автору «Сталинградской битвы» Н. Вирте. Авторы этих пожеланий, участники битвы за Сталинград, рассказывают множество интереснейших эпизодов, свидетелями или участниками которых они были, и просят включить их в сценарий. Каждый из этих эпизодов, повторяю, сам по себе чрезвычайно интересен и показателен, но что было бы, если бы Н. Вирта включил эти эпизоды в свой и без того очень обширный сценарий? Не это ли, по существу, делает редакция «Знамени», не помогая начинающим авторам отбирать и тщательно взвешивать материал их записок, отбрасывать лишнее и второстепенное, находить в случайном и частном общее и типичное для нашей жизни и наших людей? Автору записок, рассказывающему о том, что было им пережито и перечувствовано, пишущему о бесконечно близких ему людях, все кажется одинаково важным и значительным. Но, излагая это все подряд, он не замечает, как порою за множеством фактов и имен теряется главное, как рядом с явлениями огромного масштаба встают события случайные, мелкие, которые самым своим соседством снижают ценность и значение основных явлений и процессов. Возьмите хотя бы «Записки офицера» Г. Пэнэжко, и вы увидите это с полной ясностью. Еще хуже, когда в произведении, повествующем о больших событиях и людях, чуть не целые страницы посвящаются ненужным бытовым подробностям, сугубо личным отношениям, не только не интересным читателю, но порою просто раздражающим его своей неуместностью.

В «Литературной газете» уже отмечались недостатки «Саперов» Н. Стечишина, произведения, в котором автор пытался при помощи, чисто внешних «литературных красот», превратить свои воспоминания в повесть, не очистив их предварительно от многого лишнего, наносного, случайного. И здесь плохую услугу оказала редакция автору, преждевременно «благословляя» его, как законченного писателя.

А всего этого можно было бы избежать, если бы редакция более тщательно работала с автором, стремясь не только давать на своих страницах новые произведения, но и выращивать новых писателей.

Отдельные произведения, печатаемые в журнале под рубрикой записок и воспоминаний, вызывают серьезные возражения. Беглые, расположенные в случайном порядке записи, которые, как правило, натуралистически запечатлевают лишь тот или иной факт, не прошедший сквозь призму художнического восприятия жизни, таят в себе опасность не свойственного советскому писателю об'ективизма, когда правда факта не только не поднимается до правды жизни, правды истории, но и порою прямо противоречит ей. Ведь не в том обвиняют А. Твардовского, что он в «Родине и чужбине» выдумал не существующего в действительности бывшего кулака, преданного советской власти, а в том, что этот образ нельзя ставить в один ряд с образами, типичными для нашей действительности: такое «уравнение» означает на деле искажение действительности.

Стремясь к разнообразию и полноте отдела художественной прозы, редакция старается не оставить ни одного номера журнала без короткого рассказа. И все же с рассказом в «Знамени» (как, впрочем, и в других журналах) дело обстоит неважно. Если не считать цикла превосходных новелл чешского писателя Яна Дрда, в журнале за год напечатано всего девять рассказов. Качество их при этом очень неравноценно. Наряду с рассказами, привлекающими искренностью и теплотой поэтического чувства («Мотька» В. Матова, «Модры камень» А. Гончара, «Новый дом» Ф. Кнорре), в журнале печатаются произведения слабые, надуманные, недоработанные. В одних случаях писателю явно недостает умения строить сюжет и отсутствие действия он пытается подменить не всегда убедительными, подчас чрезвычайно элементарными психологическими экскурсами («Под землей» И. Северцева, «Обвал» Н. Лукина). В других рассказах стремление к внешней остроте заставляет автора насиловать жизненную правду. Так получилось с рассказом И. Северцева «Синело», в котором только вмешательство случайно оказавшегося в деревне сержанта Красной Армии предотвратило избрание в председатели колхоза «немецкого последыша» Калины, который во время оккупации был старостой. При этом историю Калины сержант узнает от самих же крестьян, выведенных в рассказе безликой, инертной массой.

Поэзия в минувшем году была представлена в журнале довольно широко. Радостно, что в большинстве напечатанные стихотворения рождены обращением к животрепещущим темам сегодняшнего дня, проникнуты духом жизнеутверждения, уверенности, бодрости. В них мы не встречаем уже тех пессимистических ноток и просто нытья, которыми пытались кокетничать на страницах «Знамени» некоторые наши (особенно молодые) поэты еще так недавно.

И все же лишь сравнительно небольшая часть напечатанных в журнале стихотворений поднимается по силе поэтического выражения, искренности чувства и глубине над средним уровнем. Попросят вас назвать те стихотворения из напечатанных в «Знамени» за прошлый год, которые хотелось бы вам перечитать еще раз, сохранить в памяти, прочесть вслух другу, — и многое ли добавите вы к лучшим стихам Н. Тихонова и превосходным переводам сонетов Шекспира, сделанным С. Маршаком? Вы назовете, конечно, чудесный «Дом» А. Кулешова с его такими теплыми, нежными строками, рожденными радостью созидания, возрождения жизни на обновленной земле.

Вы вспомните еще стихи М. Максимова, честные и чистые раздумия воина, вернувшегося к большой творческой жизни; полное большого и светлого чувства стихотворение М. Алигер «Это лето», отдельные образы и строфы из сталинградских стихов А. Межирова, но вот и все, пожалуй. Это не значит, что все остальное плохо, но не малая часть этого остального принадлежит к тому разряду стихов, которые могут при чтении даже «понравиться», но забываются так же быстро, как цифры страницы, на которой они напечатаны.

В подборках, посвященных творчеству эстонских и литовских поэтов, молодой поэзии Якутии и Казахстана, многие стихи испорчены переводами. Наряду с хорошими, добросовестными переводами С. Мар, Д. Бродского и других мы встречаем в журнале небрежную, аляповатую зарифмовку подстрочников, принадлежащую перу С. Наровчатова, В. Азарова и, в особенности, П. Шубина. Шубин с одинаковой легкостью переводит и с казахского, и с якутского, и с татарского, позволяя себе при этом такие выпады против всех норм литературного разговорного языка («И узнал я, что хотел, через песенку одну», «Оттолкнувшись к руслу своему, начался движенье великого льда»), которые часто лишают всякого смысла переводимые им строки.

В свое время в «Знамени» появились такие значительные произведения советской поэзии, как «Зоя», «Сын», «Василий Теркин», поэмы О. Берггольц, А. Кулешова и других поэтов. В 1947 году поэмы в журнале отсутствуют. «Слово Сталина» А. Софронова, произведение, названное автором поэмой, представляет собой скорее цикл отдельных поэтических раздумий, связанных одной общей темой.

Не повезло в прошлом году в «Знамени» очерку. «В стороне от железной дороги» Ю. Нагибина, «Наша Москва» Е. Кригера и «На реке Вороне» С. Юрина—вот и все, чем может похвастаться журнал. А о том, как много интересного и важного можно дать читателю в очерке, говорит хотя бы последнее из названных произведений, в котором автор на десяти страницах увлекательно рассказал и о прошлом Тамбовской области, и о гигантских работах, развернувшихся здесь сегодня, и о людях, вернувшихся с фронта, и о многом другом.

Большое место уделила в прошлом году редакция «Знамени» публицистике. В этом разделе мы находим ряд содержательных статей, освещающих политическую жизнь Европы и Америки, современное состояние западной культуры, разоблачающих планы поджигателей войны (статьи М. Гуса, Б. Розенцвейга, П. Стаборич, М. Толченова и др.). Очень интересный материал содержится в статье В. Беляева «Отец Сойка и его хозяин», посвященной памяти писателей-революционеров Западной Украины—Александра Гаврилюка и Степана Тудора и, в частности, книге последнего «День отца Сойки», в которой вскрывается реакционная подрывная деятельность католического духовенства, руководимого папским Римом. К этому же разделу следует отнести и обстоятельные записки советского корреспондента в войсках союзников в Западной Европе Б. Краминова «Второй фронт».

Недостатком этого раздела является полное отсутствие в нем статей, освещающих сегодняшнюю жизнь нашей страны, борьбу советского народа за пятилетку, статей, затрагивающих вопросы советской этики и морали, и т. д.

В последних решениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, драматургии и кино особенно резко подчеркивалось неудовлетворительное состояние нашей критики. Что в свете этих решений можно сказать сегодня о критическом отделе журнала? И в критических статьях, и в рецензиях, печатающихся в журнале, еще много случайного, эмпирического, мало обобщений, помогающих читателю разбираться не только в явлениях литературы, но и в отражаемых ею явлениях жизни. Самый подбор рецензий не отражает какой-либо ясно выраженной линии, в результате чего, встречая в журнале статьи о многих второстепенных, случайных фактах нашей литературы, мы не находим в нем разбора отдельных значительных произведений.

Что должны пожелать мы журналу в новом году? Еще более настойчиво продолжать свои лучшие традиции, порадовать читателей новыми яркими произведениями, новыми именами талантливых писателей. А вместе с этим усилить свою работу с авторами, больше внимания уделять такому важному жанру, как очерк, больше требовательности проявлять к печатающимся в журнале рассказам и стихам, решительно ускорить перестройку отделов публицистики и критики. В минувшем году журнал дал своим читателям много ценного, — в этом году они спросят с него еще больше.

Неприступный замок или очаг культуры?

Бор. АГАПОВ

1.

Если вы, проезжая по Украине или по областям черноземной полосы, увидите ночью в степи ярко освещенные фабричные здания и громадный заводской двор, залитый светом как проспект столицы, то знайте: это сахарный завод. Но стоит вам от'ехать километр-два от завода, и в колхозных домах навстречу вам замерцают огоньки керосиновых коптилок.

Почему же, спросите вы, в новой пятилетке, когда электрификация сельского хозяйства проводится в громадных масштабах и некоторые области уже рапортуют о сплошной электрификации сельского хозяйства, сахарные заводы не дают энергию даже близлежащим колхозам?

На этот вопрос вам сахарники ответят, что сахарное производство сезонное, оно длится всего три-пять месяцев в году и что по окончании производства завод и его энергоустановка останавливаются на 7—9 месяцев до следующего сезона.

А почему бы не использовать сахарозаводские энергоустановки для электрификации сельского хозяйства, когда сахарные заводы стоят?

Г тому, ответят вам, что на сахарных заводах, как правило, установлены паровые машины и турбины особой конструкции (с противодавлением), которые могут экономно работать только в период сахароварения, когда весь пар используется на производство сахара.

Когда же сахароварение закончено, их останавливают. Но, чтобы не оставался завод без света и электроэнергии, имеются еще дополнительные, вспомогательные электростанции, обычно дизельные.

Представить более ясно картину энергохозяйства обычного сахарного завода можно на примере.

Гниванский сахарный завод Винницкой области недавно восстановлен. Его производственная энергоустановка состоит из котельной с часовой паропроизводительностью около 50 тонн и силовой станции, оборудованной двумя турбогенераторами с противодавлением — общей мощностью в 2.700 киловатт. Вспомогательная электростанция оборудована тремя дизелями мощностью 350, 160 и 75 лошадиных сил.

Возле завода проходит электрокольцо, к которому присоединено значительное количество совхозов и колхозов, ряд предприятий местной промышленности и среди них камнеразработки, расположенные в нескольких сотнях метров от сахарного завода. Энергии в электрокольце нехватает, и присоединить к нему новых потребителей энергии нет возможности. В связи с этим на камнеразработках строится дизельная электростанция мощностью в несколько сот киловатт. А в это время на Гниванском заводе бесполезно простаивают громадные мощности.

Действительно ли особенности сахарной промышленности не дают возможности использовать энергоустановки заводов для электрификации сельского хозяйства?

На этот вопрос мы находим ответ в работе инженера П. Ф. Козлова «Использование энергоустановок сахарных заводов для электрификации сельского хозяйства». Автор доказывает, что особенности сахарной промышленности здесь не при чем и что энергоустановки сахарных заводов представляют собою громадный энергетический резерв, который с успехом может быть использован для электрификации колхозов.

2.

Первое предложение инженера Козлова состоит в том, чтобы заставить котельные сахарных заводов работать в течение тех семи-девяти месяцев в году, когда они бесполезно простаивают.

Для этого достаточно на любом заводе установить обычную конденсационную турбину необходимой мощности и направить в нее пар от одного, двух уже существующих котлов. Сахарный завод располагает всем, что требуется для работы такой электростанции, вплоть до опытного обслуживающего персонала.

Такая сезонная электрификация сельского хозяйства себя оправдает вполне, ибо, во-первых, колхозный потребитель будет получать электроэнергию в полной мере в период от самых ранних весенних полевых работ до самых поздних осенних; а во-вторых, затраты на установку конденсационной турбины и на электрическое распределительное устройство будут в четыре-пять раз меньше тех затрат, которые пришлось бы сделать при постройке самостоятельной электростанции равной мощности.

В течение трех-пяти месяцев в году обслуживать сельскохозяйственных потребителей могут вспомогательные электростанции.

Второе предложение инженера Козлова — превратить энергоустановки с конденсационными турбинами в постоянно действующие. Для этого на сахарных заводах к уже существующим котлам нужно прибавить по одному котлу с паропроизводительностью, достаточной для питания конденсационной турбины паром. Подобное дооборудование энергоустановок, включая и затраты на конденсационную турбину, будет стоить приблизительно в два раза меньше, чем постройка новых тепловых электростанций, равных по мощности.

Третье предложение инженера Козлова касается тех заводов, которые восстанавливаются или строятся заново. Оно очень просто: на таких заводах следует сразу устанавливать не дизельные станции, а конденсационные турбины, причем рассчитывать их мощность с учетом потребностей и сельских потребителей.

Что касается всего нового энергооборудования, которое в дальнейшем придется устанавливать при расширении сахарных заводов или при замене изношенного, то тут необходимо категорическое решение о том, чтобы оно полностью проектировалось на стандартное давление в 39 атмосфер.

При полной замене устаревшего энергооборудования новым (давлением в 39 атмосфер) на среднем сахарном заводе может быть выработано 1.000—1.200 киловатт избыточной энергии с расходом топлива в три-четыре раза меньшим, нежели на лучшей конденсационной электростанции.

Использование энергоустановок сахарных заводов может явиться базой электрификации сельского хозяйства районов свеклосеяния на площади в 200 тысяч квадратных километров с населением около 15 миллионов человек. Оно сбережет сотни тысяч тонн топлива.

3.

Но на пути осуществления предложений инженера Козлова стоят работники Главсахара и его института. Их политика в области энергетики отражена в документах, из которых ясно, что работники главка думают не о применении избытков электроэнергии в сельском хозяйстве, а о... недостатке энергии даже для собственных нужд. Кстати отметим, что работники Главсахара не заметили, что давление в 15 атмосфер, являвшееся прогрессивным 35 лет назад, в настоящее время является тормозом для развития сахарной промышленности, так как при таком давлении нехватает энергии для механизации трудоемких работ.

В одном из решений Главсахара говорится: «При наличии к моменту строительства вблизи сахарных заводов выявленных потребителей энергии и пара проектировать ТЭЦ с учетом этих потребителей».

Из этого видно, что в число «выявленных» Главсахаром потребителей электроэнергии не входят ни близлежащие МТС, ни совхозы, ни колхозы. Все они ждут не «выявления», — им это не требуется, они ждут электроэнергии, а Главсахар отгораживается от них бюрократической фразой.

«Строительство и расширение ТЭЦ для снабжения электроэнергией и паром посторонних потребителей, — гласит далее один из пунктов этого решения,—должно быть согласовано с Министерством пищевой промышленности и Госпланом».

Это значит, что Главсахар никакой связи между электрификацией сельского хозяйства и производительностью труда в колхозах, между под'емом культурного уровня населения и увеличением урожайности колхозных полей не видит, а потому он, так и быть, согласен электрифицировать «посторонних» потребителей, только если прикажут министерство и Госплан.

Решения Главсахара в отношении реконструкции и расширения существующих заводов сохраняют полностью старую «дедовскую» организацию энергохозяйства. Пусть не обижается Главсахар на слово «дедовский». Мы употребили его, чтобы не сказать «капиталистический». Ибо с точки зрения нашего социалистического планирования нельзя рассматривать сахарный завод, как замок, отделенный неприступными стенами от окружающих колхозов! Наоборот, сахарный завод надо рассматривать, как очаг культуры, как авангард технического прогресса в свеклосеющем районе. И если бы руководители Главсахара это понимали, они должны были бы не ждать приказов.

4.

Как относится к политике, проводимой Главсахаром, и к предложениям Козлова Министерство пищевой промышленности?

С одной стороны, решения, о которых говорилось выше, напечатаны как приложение к приказу № 602 за подписью министра тов. В. П. Зотова. Из этого можно заключить, что министерство с решениями Главсахара полностью согласно.

Но, с другой стороны, перед нами протокол заседания Технического совета Министерства пищевой промышленности СССР от 11 июня 1947 года, где записано: «Считать предложения инженера Козлова П. Ф. об использовании сахарозаводских ТЭЦ для электрификации прилегающих районов свеклосеяния в принципе правильными и отвечающими интересам народного хозяйства».

Но не только это записано в решениях. Технический совет министерства предлагает еще в отдельных случаях и проектировать вновь строящиеся теплоэлектроцентрали сахарных заводов с расчетом на круглогодовую работу, с отдачей избыточной мощности для электроснабжения районов. Кроме того, решено просить Госплан Союза ССР рассмотреть этот вопрос в целом и, в случае положительного решения, войти в правительство с соответствующим проектом. И наконец: было признано целесообразным издать предложения тов. Козлова отдельной брошюрой.

Значит, предложения инженера Козлова технически правильны? Более того, значит Министерство пищевой промышленности в лице своего Технического совета согласно с предложениями инженера Козлова?

Со дня постановления Технического совета прошло более полугода; столько же времени прошло и с тех пор, как в защиту предложений инженера Козлова выступила газета «Труд». Но к осуществлению своих решений Технический совет не приступил, и — мало того — протокол заседания еще не утвержден министром пищевой промышленности. Между тем, за это время около полутора десятков заводов восстановлено и построено без учета предложений Козлова.

Не пора ли министру пищевой промышленности тов. В. П. Зотову, наконец, рассмотреть протокол заседания Технического совета, вмешаться в дело и пресечь деляческую узковедомственную политику, приводящую к тому, что сахарный завод превращается в отгороженный крепкими стенами замок, вместо того, чтобы стать рассадником передовой техники, поборником расцвета культуры!

В Союзе советских писателей СССР

Русская поэзия 1947 года

В течение двух дней — 29 и 30 января — в Центральном Доме литераторов происходило обсуждение советской поэзии 1947 года. Обсуждение было организовано секцией поэтов и комиссией по теории литературы и критики.

Собрание открыл С. Щипачев.

— Уже полтора года,—сказал он,—прошло с момента опубликования исторического постановления Центрального Комитета по вопросам литературы. Мне кажется, что мы реализовали его еще слабо. Нужно вскрыть еще существующие у нас пережитки формализма и декадентства. Надо помнить, что мы работаем не на десятки эстетствующих гурманов, а на народ, на многомиллионного читателя.

Доклад о русской поэзии прошедшего года сделал А. Тарасенков. Он начал с характеристики произведений, посвященных колхозной деревне. Наиболее высокую оценку докладчика получает поэма А. Недогонова «Флаг над сельсоветом». Удачной считает докладчик поэму Н. Грибачева «Колхоз «Большевик», несмотря на ряд отдельных недостатков произведения. Возражения докладчика вызывает «Весна землеробов» В. Замятина — произведение подражательное, неглубокое, отличающееся псевдонародной стилизацией деревни. А. Тарасенков не согласен с той оценкой, которую дали некоторые наши критики стихам Ф. Белкина и Н. Тряпкина. Он считает, что произведения этих поэтов далеки от современной деревни.

Далее докладчик характеризует произведения, посвященные темам индустриального труда, новой сталинской пятилетки. Положительно оценивает он стихи К. Мурзиди. В них действует живой, герой-уралец, который прошел через все испытания войны и вернулся к творческому труду. Отмечая достижения Н. Заболоцкого в поэме «Творцы дорог» и других стихах, А. Тарасенков считает, что, при всем мастерстве поэта, его стихи подчас скованы торжественной манерой оды.

Говоря о стихах Е. Долматовского, А. Тарасенков считает более удачным его цикл «Ровесники», в котором много задушевности, глубины и подлинной правды жизни. Меньше удался поэту цикл «Созвездие». Большинство стихов этого цикла плакатны, риторичны, бесцветны.

— Риторика, — говорит А. Тарасенков, — ощутима и в новой поэме А. Софронова «Слово Сталина», хотя замысел этой вещи заслуживает всяческой похвалы.

К числу удач минувшего года докладчик относит поэму С. Щипачева «В добрый путь».

Останавливаясь на третьей части «Трагедийной ночи» А. Безыменского, докладчик говорит о значительности темы поэмы. Однако он считает, что в этой вещи есть органический недостаток. Весь конфликт поэмы кажется ему несущественным, неактуальным для современного читателя.

Положительную оценку докладчика получают ряд стихотворений С. Васильева о Москве, некоторые стихи М. Максимова из сборника «Ровесники», недавно вышедшего в Омске. Яркие книжки стихов выпустил в этом году М. Луконин—«Сердцебиение» и «Дни свиданий». Но, желая освободиться от традиционной ритмики, Луконин часто переходит на прозаическую, трудную, неритмическую строку.

— Знания жизни, борьбы народа, творческих процессов, которые происходят в стране, часто нехватает нашим поэтам. Отсюда скованность голосов очень многих из них,—говорит А. Тарасенков.

В этой связи он критикует отдельные стихи Л. Ошанина, А. Гая, С. Смолякова, К. Лисовского, В. Шефнера и других.

П. Антокольский начинает преодолевать встречавшиеся у него раньше мотивы тоски, одиночества. Но надо сказать Антокольскому, что в его последних стихах еще немало книжной пыли, внешней шелухи.

Значительным шагом вперед в творчестве С. Кирсанова, А. Тарасенков считает поэму «Небо над Родиной». Однако, по мнению докладчика, в поэме Кирсанова имеется ряд серьезных недостатков, которые свидетельствуют, что старые формалистические приемы далеко не до конца преодолены поэтом.

Не все поэты, не все редакции и издательства поняли по-настоящему значение решений Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства. В этой связи серьезные возражения докладчика вызывают стихи И. Сельвинского, А. Межирова, Г. Семенова. Резко критикует он поэму Д. Петровского «Святослав».

Высоко оценивает А. Тарасенков стихи о Югославии Н. Тихонова. Поэту удалось передать ощущение кровного братства между народами Югославии и Советского Союза. Хорошие циклы стихов о Закарпатье опубликовал в 1947 году С. Гудзенко. Новизну тех общественных отношений, которые созданы в нашей стране, утверждает С. Маршак в своей балладе «Быль-небылицы». Серьезно и хорошо работала в истекшем году М. Алигер, интересные стихи опубликовал Я. Смеляков. А. Тарасенков положительно оценил ряд стихов М. Матусовского.

— Еще скромны достижения наших поэтов, если сравнить их с достижениями прозаиков, — говорит в заключение докладчик. — В самой секции поэтов не создана еще атмосфера большевистской критики и самокритики.

После доклада развернулись оживленные прения. Горячую, взволнованную речь произнес А. Сурков.

Он говорит о прошедшем годе, как о великом годе в жизни страны, значительно приблизившем нас к коммунизму.

— Вот, если с этой точки зрения поглядеть на каждого из нас и на то, что мы в 1947 году опубликовали, то получается бедно,—говорит он.—Поэзия, которая является неот'емлемой частью истории народа, за этот год не обогатилась. Нам надо всерьез подумать о том, чтобы оправдать народное доверие.

Об отставании поэзии от жизни говорил в своем выступлении Ф. Левин. Он критиковал также поэму С. Кирсанова «Небо над Родиной». Я. Смеляков говорил о живом, неувядаемом значении творчества Маяковского для современной политической поэзии.

Свое выступление С. Васильев посвятил творчеству поэтов, работающих в областях.

С. Трегуб критикует записки А. Твардовского «Родина и чужбина», пытаясь доказать, что недостатки этого произведения якобы характерны и для поэтического творчества А. Твардовского. Далее С. Трегуб останавливается на стихах о Югославии Н. Тихонова.

Е. Долматовский полагает, что А. Сурков слишком сурово оценил поэзию 1947 года. Он видит в истекшем году немало достижений. Е. Долматовский говорит о тусклости поэтической критики.

А. Софронов отметил, что интересный доклад А. Тарасенкова носил отчасти обзорный характер. Докладчик не вскрыл тенденций поэтического года, не обобщил сущности явлений.

— У нас иногда под лозунгом «Побольше поэтов хороших и разных»,—говорит А. Софронов, — стараются об'единить не столько хороших поэтов, сколько разных. Поэт хороший — это современный, партийный поэт, плоть от плоти нашего времени. Это — основной критерий. Важно, чтобы поэт не был «разным», — отличным от народа. А в нашей поэзии еще существуют элементы такого «разного», еще есть поэты, далекие от жизни народа.

В обсуждении приняли также участие В. Инбер, А. Коваленков, А. Жаров, И. Гринберг, В. Луговской, О. Резник.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Кто отвечает за технический прогресс в полиграфии»

НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПЕЧАТИ

На заседании, созванном для обсуждения состояния рационализаторской работы и изобретательства в Огизе, выяснилась совершенно необычайная история. Еще в 1946 году Научно-исследовательский институт полиграфической и издательской техники Огиза закончил разработку 66 технологических инструкций, имеющих важнейшее значение для полиграфии. Но эти инструкции лежат без движения, ибо... их негде печатать.

И факт этот, пожалуй, лучше всего дополняет печальную картину невнимания к техническому прогрессу в полиграфии, нарисованную в статье В. Сытина в «Литературной газете» от 17 января.

С докладом на заседании президиума ЦК профсоюза выступил заместитель заведующего Огиза тов. С. Семенов. Он вынужден был признать, что вопросам изобретательства и рационализации в Огизе уделяется мало внимания.

Единственный в стране Научно-исследовательский институт полиграфической и издательской техники влачит жалкое существование. Он не получает никакой помощи ни от Огиза, ни от его предприятий. У института нет экспериментальных мастерских, испытательной станции. Результаты работы института не внедряются в производство.

Тов. Семенов жаловался на то, что в бюро по изобретательству Огиза всего один работник: штатная комиссия не разрешает, мол, увеличивать число работников бюро. Но тут же на заседании зам. председателя комиссии по изобретательству Центрального комитета профсоюза тов. Медведев дал справку:

— В штате бюро по изобретательству Огиза три штатных единицы. Но за их счет незаконно содержатся... маляр и инженер, не имеющие никакого отношения к бюро.

О равнодушии Огиза к изобретениям и рационализаторским предложениям говорили тт. Меркулов (фабрика им. Дунаева), Семенов (13-я типография), Киселев (1-я образцовая типография), Трошин и Райкина («Московский большевик»). Все они отмечали равнодушное отношение Огиза к новаторам.

«Захолустье»

Так называлась статья А. Ивича в № 2 «Литературной газеты». Речь шла о том, что фабрике «Октябрь», выпускающей важные сорта бумаги, не уделяется должного внимания со стороны треста и министерства.

В связи с этой статьей редакция получила письмо управляющего союзным трестом картонного производства тов. Бычкова, который сообщает, что статья правильно отражает положение и вскрывает действительные причины неудовлетворительной работы фабрики. Для улучшения работы составлен план организационно-технических мероприятий, издан специальный приказ по министерству, предусматривающий улучшение работы предприятия.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

Позвольте мне через посредство вашей газеты передать мою горячую благодарность всем литературным и общественным организациям, коллективам заводов и строек, а также всем товарищам, приславшим мне поздравления в связи с датой пятидесятилетия моей жизни и тридцатилетия литературной работы.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Геннадий ФИШ

Советская быль и американские сказки

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ:

Английский биолог Джулиан Гексли, вернувшись после поездки в СССР, напечатал клеветническую статью о том, будто бы работники Всесоюзного института растениеводства во время блокады Ленинграда с'ели уникальную мировую коллекцию семян.

На самом деле все было иначе. Часть научных работников ВИР'а пошла добровольно на фронт (Ф. Тетерев, Н. Хорошайлов и другие), остальные и среди них Е. Пальмова, создавшая многие знаменитые сорта пшениц, заведующий коллекцией пшениц М. Якубцинер и другие подготовили бесценные коллекции института к эвакуации в Красноуфимск. Однако эвакуировать их не удалось, так как вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады.

Работники института в условиях холодной блокадной зимы принимают меры для сохранения коллекций и эвакуации людей по Ледовой дороге.

Тринадцатого января отошел с Финляндского вокзала поезд, в промерзших вагонах которого находились научные работники институтов и члены их семей. Всего триста человек. Трое суток волочился поезд на восток по Карельскому перешейку. Наконец, он остановился у Борисовой гривы, не доходя семи километров до Ледовой дороги.

Наступили январские короткие сумерки. Надо было по снегу добираться до берега. На это ушла вся ночь. С рассвета у шлагбаума Ледовой дороги стоял доктор биологических наук И. Презент и вместе с сержантом-регулировщиком останавливал грузовики, возвращавшиеся порожняком из Ленинграда. У него на руках была магическая бумажка, которую он и пред'являл каждый раз водителю:

«Начальнику Ледяного участка ВАД № 14 капитану 2 ранга т. Нефедову.

Заместитель командующего войсками, начальник тыла приказал: обеспечьте перевоз 16—20 января 1942 года на попутных автомашинах до станции железной дороги Войбокало научных сотрудников ВАСХН имени Ленина и членов их семейств в количестве 300 человек, согласно спискам, утвержденным уполномоченным президента Академии проф. Презентом, а также груз их, в количестве трех тонн.

Начальник организационно-планового отдела Управления тыла Ленинградского фронта

майор Степанов».

Водители охотно останавливали машины и помогали взбираться в кузов продрогшим, истощенным людям.

В те дни во всем городе запасов продовольствия было всего на один день! Так что самое слово «запасы» уже теряло свой смысл. И это шоферам Ледовой дороги было известно, может быть, больше, чем кому-нибудь другому. И еще они знали, что ни по каким карточкам и пропускам нельзя было получить продуктов ни на один час вперед... А тут на верхнем левом углу бумажки, которую протягивал им Презент, они видели короткую резолюцию: «Тов. Коновалов. Выдайте на три дня продуктов. 13.I. Попков».

Это была великая самоотверженная забота народа о своих ученых.

За день все люди погружены были на попутные автомашины, шедшие до Войбокало. В Войбокало погрузились на поезд и двинулись на Урал. В дороге умерли от истощения плодоводы Рубцов и Якубов, погиб Богушевский—редкий специалист по миндалю и ореху. На станции Волхов сняли с поезда Якубцинера в бесчувственном состоянии, думая, что он тоже мертв.

А Презент вернулся с Ледовой дороги обратно в Ленинград, чтобы закончить эвакуацию оставшихся там служащих и научных работников академии.

Вторая и последняя партия сотрудников тем же маршрутом по Ледовой дороге отправилась в Красноуфимск через месяц.

4. О подвигах, о доблести, о славе

Их осталось совсем мало. Пантелеева, картофельники, о которых мы уже говорили, секретарь партийной организации Георгий Николаевич Рейтер, доктор Вульф, заведующий отделом географии растений и еще человек десять — все люди нестарые. И только один из них, Рудольф Янович Кардон, добродушный, седой, высокий и упрямый латыш, был, что называется, «на возрасте» — 1884 года рождения.

— Однажды мы услышали в комнате стук,—рассказывает он, улыбаясь и поглаживая пушистые седые усы.—Что бы там могло быть? И вот все трое—Пантелеева, Рейтер и я, распечатали дверь. И видим—крысы, огромные, худые, с вз'ерошенной шерстью. И злые-презлые. Вот была битва... Ящички с зерном были из металла и только на одной из шести боковушек, у некоторых из них, чтобы зерна дышали, была проделана круглая дырочка, закрытая металлической сеткой. Так вот, крысы возились около этих решеток и кое-где уже почти прогрызли медные сетки. Они скалили зубы и не уходили. Мы били их железной кочергой. Комнаты коллекций стали полем битвы. Потом, выгнав крыс из комнаты, мы трудились весь день, составляя металлические коробки вплотную, сеточка к сеточке, чтобы закрыть одной коробкой отверстие другой. Но на другой день борьба возобновилась. Жестяные ящички, у которых не было сеток, мы оставили там, где они стояли,—на стелажах. И вот, чорт его знает каким чутьем, какой догадкой, крысы перехитрили людей. Они забирались на самую верхнюю полку стелажа, почти под потолок и сбрасывали оттуда коробку. Она падала на пол, и от толчка крышка слетала с нее и зерно высыпалось. Мы сразу же кинулись собирать разбросанное зерно. Хорошо, что были сброшены только две коробки в разных концах, и поэтому зерно не перемешалось. Крысы вырывали его у нас буквально из рук. Опять началось сражение. Со всего района пришли они сюда. Как они учуяли, как передали друг другу, что здесь хранятся коллекции зерна? Мы сняли все коробки со стелажей, чтобы их нельзя было сбросить, приложили плотно одну к другой, а сверху накрыли камнями. Их было несколько десятков тысяч—металлических ящиков, таких холодных, что нельзя было коснуться рукой. Даже теперь это не легко сделать, а в те дни, когда от каждого резкого движения кружилась голова, когда, сделав несколько шагов, приходилось останавливаться, чтобы от слабости не упасть, это была очень тяжелая работа. Когда я сейчас вспоминаю о ней, у меня выступает пот на лбу. И все же мы довели ее до конца.

В эти дни дошла весть о том, что научный сотрудник института Кокшин, ушедший добровольцем в армию, погиб, защищая Ленинград. Но и в городе на каждом шагу грозила опасность. Доктор Вульф шел из института домой с двенадцатилетним сыном. В это время немцы стали обстреливать город. Снаряд разорвался на Сенной площади, и осколок поразил Вульфа на-смерть. Доктор биологических наук Щукин, специалист по масличным растениям, все время отличавшийся, как лучший боец пожарной команды, умер от голода у себя в кабинете. В соседней комнате стояли ящики коллекционного, вкусного и питательного арахиса, ящики с семенами масличных растений. Ни один из них не был даже открыт...

Е. Ф. Капустина — внучка Менделеева и племянница изобретателя радио Попова, работавшая в ВИР'е с 1919 года, умерла от дистрофии.

Наступила первая блокадная весна. В Красноуфимске, на новом месте, уже начал работать институт. В разрыхленную землю ложилось яровое зерно. А здесь, в Ленинграде, зерно спало, запрятанное в металлические ящики. Оно еще год, другой, третий сможет вынести эту спячку, оставаясь живым.

Другое дело картофель! Он начал выпускать бледные, живые ростки. Их не остановишь! А поля института в Пушкине разворочены траншеями и в траншеях фашистские крысы — эсэсовцы. Именно оттуда, с Пулковского шоссе, летят ревущие-ся в городе снаряды. А в стиснутом блокадой Ленинграде нет ни клочка свободной земли. Все скверы использованы под огороды.

Воскресенская и Лехнович выхлопотали местечко для посадки картофеля за городом, в Лесном, вблизи Политехнического института. Участок находился в девяти километрах от ВИР'а. Трамваи, обычно связывающие город с Лесным, теперь не ходили; последняя институтская машина уже с марта была взята для нужд фронта. И в Лесной приходилось добираться пешком, везя на тележке семенной коллекционный картофель.

Картофелеводам помогали дворничихи Фрося Голенищева, Анна Андреева, рабочий Иванов Александр Иванович и уборщица Романова. Провожаемые жадными взглядами редких прохожих, провозили они несколько сот образцов сортов картофеля на тележках через голодающий город к Лесному.

Отведенный участок находился в зоне артиллерийского огня. И бывало так, что над полем разрывался снаряд. Осколки сшибали маленькие дощечки с обозначением сортов на делянках, и их приходилось снова размечать по протоколам. Но, к счастью, никто ни при посадке, ни позже при копке не пострадал.

К этому времени умерли от голода дворники института, муж и жена Михайловы, специалист по табакам доктор Эгиз, заведующий библиотекой Гейнц, кандидат наук специалист по рису Дмитрий Сергеевич Иванов, ученый специалист по лекарственным растениям Г. К. Крейнер, метеоролог Молибога.

К осени выкопали картофель и с невероятным трудом притащили его из Лесного в кладовую института.

Теперь для того, чтобы картофель в подвалах не замерз — приходилось то и дело отправляться в поиски за топливом, добывая разбитые щепки, осколки полов, переплетов дверей и рам из заносимых снегом руин разбомбленных и пустых домов.

И еще одна зима прошла в блокаде, и снова весной высадили в Лесном картофель и собрали свежие клубни.

Попрежнему умирали от голода работники института, но ни один ящичек с зерном не был тронут.

Ольга Александровна Воскресенская от дистрофии полностью потеряла зрение и все же продолжала работать.

Мечты каждого из работников института, мечты каждого ленинградца, мечты каждого гражданина Советского Союза об освобождении осажденного Ленинграда совпали с оперативным планом Главного командования.

В январе сорок четвертого года 900 дней блокады стали историей.

Минули все сроки. И в самом деле, если бы в первые месяцы сорок четвертого года не была снята осада, коллекции погибли бы. Три года не обновлялось зерно. Если не сделать это теперь, вместо живой, нужной советскому народу коллекции останутся мертвые зерна для гербария.

Так, коллективным подвигом советских ученых-ленинградцев, в возможность которого даже поверить не в состоянии председатель комитета по делам культуры и науки ООН, спасены были мировые коллекции пшеницы и других зерновых культур.

Но для того, чтобы подвиг этих людей, чтобы их жертвы не стали напрасными, нужно было немедленно проделать огромную работу.

(Продолжение следует).

Продолжение. См. №№ 8 и 9.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем—К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01113.